

**УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ РАН

Ал.А. Громько

**ОБРАЗЫ РОССИИ
И ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДРАССУДКИ**

МОСКВА 2008

**Учреждение
Российской академии наук**

Институт Европы РАН

Ал.А. Громько

**ОБРАЗЫ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДРАССУДКИ**

Монография

Москва 2008

УДК 327(470:410)(035.3)
ББК 66.4(2Рос),9(4Вел),0
Г87

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 07-03-02029а)

Номер государственной регистрации: № 0120.0 503670
«Комплексное исследование развития европейских стран
на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Громыко, Алексей Анатольевич. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки : монография / Ал.А. Громыко ; Учреждение Российской академии наук, Ин-т Европы РАН – М. : Ин-т Европы РАН : Русский сувенир, 2008. – 96 с. ISBN

После 1991 г. образы России претерпели в Британии значительную трансформацию. Вместе с тем в восприятии англичан на современную Россию распространились многие предрассудки, свойственные предшествующим историческим эпохам. В монографии Ал.А. Громыко рассказывается о путях формирования и изменения стереотипов о России в Соединённом Королевстве, о взгляде англичан на её будущее, о влиянии имперского прошлого на имиджи обоих государств.

© Учреждение Российской академии наук
Институт Европы РАН, подготовка текста, 2008
© Издательство «Русский сувенир», оформление, 2008

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1.

Современные образы России: пути формирования

Глава 2.

Россия как империя (взгляд из Британии)

Глава 3.

Британия как империя (взгляд из России)

Глава 4.

Британцы о будущем России

ОБ АВТОРЕ

Громько Алексей Анатольевич доктор политических наук, руководитель Центра британских исследований, заместитель Директора Института Европы РАН. Специалист в области британских исследований, международных отношений, европейской интеграции. Автор ряда коллективных и индивидуальных монографий, среди которых «Политический реформизм в Великобритании (1970-1990-е годы)» (Изд. XXI Век – Согласие. М.: 2001), «Модернизация партийной системы Великобритании» (Изд. Весь мир. М.: 2007). Член Учёного и Диссертационного советов Института Европы и Диссертационного совета Дипломатической Академии МИД РФ; редакционной коллегии журнала «Современная Европа». Стипендиат Фонда Сиднея и Беатрисы Веббов 2002 г., Раскин колледж, Оксфордский университет. В 2004 г. избран старшим ассоциированным членом колледжа Св. Антония, Оксфордский университет. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науки за 2004 и 2007 г. Участник ежегодного российско-британского Семинара по вопросам безопасности (совместно с Бирмингемским университетом). Соучредитель российского движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН». Представитель ИЕ РАН в Фонде «Русский мир».

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в сфере общественных наук в Великобритании традиционно отличаются эмпиризмом, склонностью к предметности. Такой уж сложившийся веками менталитет англичан, которые не любят теоретизировать. Особенно неохотно они рассуждают о будущем, если только до него не рукой подать, если оно не вырастает из вчера и сегодня. Для них строить прогнозы – то же самое, что спекулировать, и к попыткам предсказывать будущее они относятся не намного лучше, чем к шаманству. Это не значит, что у англичанина отсутствует воображение – британская историческая наука полна примеров игры разума, а о любознательности и изобретательности жителей Англии – в прошлом «владычице мерой», о пытливости их ума и говорить нечего. Среди британцев было немало тех, кто умел мастерски заглядывать в будущее. Чего только стоит Уинстон Черчилль, раньше других британских политиков распознавший в нацизме смертельную опасность, а после Второй мировой войны задолго до отцов-основателей ЕЭС призвавший к «объединённой Европе». Однако если британцы и заглядывали в будущее, то не чтобы изменить прошлое и настоящее, а чтобы оградить себя от превратностей судьбы.

Английскому воображению свойственны устремлённость на решение текущих задач и вдохновлённость прошлым. Это не значит, что британцы беспечны и не беспокоятся о будущем, напротив, они серьёзны и не любят неоправданных рисков, тем более, когда ожидания расходятся с конечными результатами. В действительности их кажущееся пренебрежение будущим свидетельствует об уверенности в нём, об уверенности, покоящейся на доверии к прошлому.

Вековые чаяния русского народа о достойной жизни, страстное желание построить, наконец, счастливую жизнь не раз приводили его (или его правителей) в состояние пассионарности, невероятной мобилизации сил. Пассионарность, например, лорда Байрона

также не вызывает сомнений, однако за собирательным образом англичанина накрепко закрепились эпитеты «практичный» и «расчётливый». Русскому человеку есть чем гордиться в своей истории, в ней было немало взлётов к подлинному величию. Но так сложна и неоднозначна эта история, что прошлое в массовом сознании россиян не стало отправным пунктом, отталкиваясь от которого взвешивались бы все «за» и «против» необходимости перемен. Одна история не хуже и не лучше другой. История Британии не менее сложна и неоднозначна, чем история российская. И всё же исторических переломов и катаклизмов в ней было существенно меньше, отсюда и бóльшая целостность в восприятии англичанами прошлого, более спокойное и однозначное к нему отношение.

Конечно, изменения неизбежны, современная Британия – это не Британия XIX и даже второй половины XX века. Всё меньше англичан находят свою страну привлекательной лишь потому, что у неё богатое прошлое и надёжный фундамент традиций. Современная эпоха жестоко наказывает тех, кто не поспевает за её шагом, и уверенность в завтрашнем дне – привилегия всё меньшего числа людей, в какой бы стране они ни жили. И всё же ментальность, архетипы, стереотипы массового сознания – вековой продукт, и состав ингредиентов, из которых он сделан, меняется крайне медленно. Именно это и позволяет, рассуждая о массовом сознании, оперировать категориями национальных образов, самоидентификации, представления о «других». Трудно судить, что лучше – жить на базе прошлого, не беспокоясь о будущем, или жить в предвкушении будущего, стремясь изменить прошлое. Но сложилось так, что первое до сих пор характерно для Англии, а второе – для России.

В российской истории противостояние почвенников и неофитов, славянофилов и западников, т.е. ценителей традиции и её ниспровергателей, – обычное явление, как обычно стремление русского человека «убежать» от своего настоящего и прошлого и в будущем обрести счастье. Для британца настоящее – это продолжение прошлого, для рус-

ского – это предтеча будущего. Для одного – это надежда на то, что всё останется как есть, для другого – что всё изменится.

В Великобритании, по крайней мере, до недавнего времени мало кто искал правду за морями, мало кто завидовал иноземцам, рассуждая: вот будет как у них – заживём припеваючи. Напротив, англичанин полагался на свою историю, на традиции и нравы, выработанные веками. Именно поэтому он не горел желанием заглядывать далеко вперёд, да и зачем, если «и так всё устроено», лишь бы развитие не меняло традиционный уклад жизни, лишь бы перемены не нарушали давно заведённый порядок вещей. Для англичанина характерны ностальгия по прошлому и подозрительное отношение к проектам переустройства жизни с их эфемерными посулами; у русского всё наоборот. «Мой дом – моя крепость», с одной стороны, и желание разрушить старый мир и построить новый – с другой, многократно звучали рефреном в истории двух стран.

История Великобритании полна событий, которые придают англичанину уверенность в завтрашнем дне, основанную на прочном фундаменте традиций. Его предки редко обманывались в своих надеждах. В истории России надежды на изменения к лучшему часто терпели крах, а реформы приносили мёртвые плоды. У любого правила есть свои исключения. Например, мало кто из англичан хотел бы вернуться в стачечные 70-е гг. прошлого века, когда Англию, которая, потеряв империю, на время потеряла сама себя, называли «больным человеком Европы». Напротив, большинство русских в самой России и за её пределами с ностальгией вспоминают о советском прошлом, которое оборвалась на втором (или третьем) пришествии Смутного времени – лихолетье Перестройки и бандитских 90-х. И всё же в русской истории – в царской, советской и современной – «золотой век» лежит в будущем, а Британская империя – «золотой век» английской истории – навсегда канула в прошлое.

Как складывались образы России в Британии после окончания холодной войны?

Какие были механизмы и пути их формирования? Как британцы воспринимают Россию сквозь призму её имперской истории, и как история Британской империи способствует или мешает пониманию современной Британии россиянами? Каким видится англичанам будущее нашей страны? На следующих страницах даётся попытка найти ответы на эти вопросы.

ГЛАВА 1

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ РОССИИ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

После окончания холодной войны и развала Советского Союза прошло уже 17 лет. Для истории России это много с точки зрения быстроты развития событий, их масштабности и значимости. В такие периоды радикальных изменений время словно спрессовано, и те процессы, которые в государстве, развивающемся эволюционно, занимают десятилетия, а то и столетия, происходят за считанные годы там, где случаются социальные катаклизмы. Однозначного ответа на вопрос, хорошо это или плохо, нет. Революции, да и общественные трансформации меньшего масштаба в годы, непосредственно за ними следующие, обычно приводили в странах, где они происходили, к ухудшению жизни населения. Так случилось и в России, где в течение десятилетия после 1991 г. демографические, экономические, социальные, моральные потери были огромны.

Однако уж если резкая смена общественного строя происходит, тем более, если распадается государство, крайне важно обуздать вышедшую за пределы легитимности прежнего режима энергию масс и действия нарождающегося правящего класса, направить их в конструктивное русло. Если сделать это удаётся достаточно быстро, в том числе вовремя учесть совершённые первым поколением «низвергателей старого» ошибки и промахи (а то и преступления), то быстрый темп изменений можно обернуть во благо обще-

ства и государства, а последнее имеет шансы совершить в своём развитии рывок вперёд.

Но не менее верно и то, что для истории современной России, несмотря на стремительный темп изменений, прошедшие 17 лет – срок небольшой. После 1991 г. в стране изменился не только политический и социально-экономический строй, но и она сама стала другой – с новыми границами, новыми соседями, изменившимся мироощущением. В результате её внешний и внутренний образы претерпели глубокую трансформацию. Кроме того, на фундаментальные задачи развития, поставленные перед Россией развалом СССР, наложилось дополнительные проблемы, вызванные бездарным руководством государства в 90-е годы. По всей видимости, пройдёт ещё немало лет, прежде чем Россия окончательно оправится от этих двух выпавших на её долю испытаний.

Такие эпохальные перемены, как события 1991 г., обычно сопровождаются изменением ценностей людей, нередко сменой их самоидентификации, представления не только о других, но и о себе. Иными словами, происходит отторжение или модификация традиционных ценностей, внутренних и внешних образов. Однако обновлённые или новые образы, отношение к «своим» и «чужим», не формируются мгновенно, на это требуется время. Они могут долго оставаться неустойчивыми и не раз смениться, прежде чем в общественном сознании утвердятся новые ценностные ориентиры применительно к собственной жизни и новое отношение к внешним соседям, а за рубежом о стране сложится устойчивая система представлений и новый набор стереотипов.

В данном анализе предлагаем различать понятия «имидж» и «образ», в то время как «образ» и «стереотип», т.е. устойчивые представления о стране и её жителях, можно рассматривать как синонимы. Имидж является частью образа, но образ не исчерпывается имиджем, более того, они могут противоречить друг другу. Образ формируется большей частью стихийно, подспудно, неуправляемо, а имидж, в нашей интерпретации, – продукт сознательных государственных усилий, которые именуется пропагандой или информаци-

онной политикой. Имидж может скрывать недостатки образа или, напротив, делать акцент на его привлекательных сторонах. Но если имидж страны, проецируемый на внутренний и внешний мир, слишком сильно расходится с действительностью, то это негативно сказывается на её образе и может лишь навредить: доверие обывателя к таким пиар-акциям падает, а имиджмейкеры превращаются в третируемых всеми «пиарщиков» и «спин-докторов»¹.

Работа над имиджем страны – обязанность именно государства. Наивно надеяться на то, что пущенный на самотёк процесс формирования имиджа даст большой эффект в отсутствии государственной поддержки (главным образом финансовой, а не кадровой или цензурной). У каждого народа есть чем гордиться в своей истории, но есть и чего стыдиться. Не подменяя многоликий образ народа созданием искусственного и упрощённого имиджа, государство должно заниматься пропагандой в том смысле, в каком компания в рыночной экономике занимается рекламой и продвижением своей продукции. Конечно, в каждой рекламе есть элемент приукрашивания, но он должен иметь определённые пределы, которые отличают добропорядочного рекламодателя от того, кто вводит потребителя в заблуждение.

Государство не только может, но и должно способствовать складыванию привлекательного образа страны на её собственных просторах и за рубежом. Но одно дело бороться с искажёнными стереотипами или заведомо ложной информацией (в изощрённости пропагандистской войны в биполярную эпоху Советский Союз уступал Западу), пропагандировать свою культуру, язык, конкурентные преимущества (российские власти в последние годы поняли важность этого), и совсем другое – строить с помощью административного ресурса потёмкинские деревни для укрепления позиций той или иной политической силы. Россия до сих пор не научилась по-настоящему осуществлять первое (систематиче-

¹ От англ. – «spin doctor», буквально – «специалист по раскрутке», т.е. манипулятор СМИ.

ски продвигать привлекательные стороны своего образа) и избегать второго (путать защиту государственных интересов с защитой интересов отдельных групп политического истеблишмента), хотя в последние годы здесь произошли положительные сдвиги (например, удачная пиар-кампания в период председательства России в «большой восьмёрке»).

Отмеченные новизна, обновление лица страны и во многом её сути не означают, что после 1991 г. Россия стала жить с чистого лица. Она явилась миру обновлённой и ещё не имеющей чёткого представления о своей новой международной роли. Но это не было государство без корней, традиций и наследия. За прошедшие с тех пор годы рождался сплав старого и нового, истории царской, советской и современной. После лихолетья 90-х гг. оказалось, что банальный афоризм «у кого нет прошлого, у того нет будущего» по-прежнему злободневен, и обновлённое российское самосознание не сложится без опоры на многовековой исторический опыт страны. Без такой саморефлексии невозможно наладить дела в своём собственном доме, не говоря уже о выстраивании эффективной стратегии отношений с внешним миром.

Такой непростой и многослойный внутрироссийский процесс поиска новой самоидентификации имел своим зеркальным отражением крайне противоречивую картину о России, которая складывалась в голове западного обывателя. На старые укоренившиеся стереотипы накладывались новые, образуя причудливые образы нашей страны, которые сопровождались смешанными чувствами враждебности и дружелюбия, любопытства и настороженности. Дело осложнялось тем, что за короткий период своего существования демократическая (или протодемократическая) Россия успела пройти несколько этапов в своём развитии, соответственно трансформировался её образ как внутри страны, так и за рубежом. Этот процесс не был односторонним. В России на уровне общественной, политической элит и на уровне обывателя представление о других государствах также менялось в зависимости от изменения внутренней ситуации и её местоположения и роли в ме-

ждународной системе.

Одним из парадоксов истекшего с 1991 г. времени стало то, что уход в прошлое жёсткого идеологического клинча эпохи холодной войны, изменение в нашей стране общественного строя не стали факторами, сблизившими на новой принципиальной основе Россию и западные страны. Конечно, о ядерном, да и в целом о военном противостоянии речь уже не идёт, но оказалось, что серьёзные геополитические разногласия между ними сохранились. Со временем они дали повод падким на сенсацию журналистам и ангажированным экспертам на Западе утверждать, что впереди маячит новая холодная война.

Для других стран, в том числе для Великобритании, прошедшие 17 лет были также крайне богаты на события. В 1991 г. там ещё безраздельно правили консерваторы (во главе с Джоном Мейджором), лейбористы (под руководством Нила Киннокса) стояли на пороге четвёртого кряду поражения на всеобщих выборах, а Тони Блэр не помышлял не только о должности премьер-министра, но и о poste лидера партии. Однако уже в те годы Британия вышла на ту прямую экономического и политического развития, которая обеспечила ей беспрецедентный период роста благополучия в следующие полтора десятилетия. Переломным моментом в истории Британии последней четверти XX века стали 80-е гг., для России же свет в конце тоннеля забрезжил только в начале нового тысячелетия.

Среди опорных представлений, которые влияют на формирование образа России в Великобритании, связка СССР – Россия занимает видное место. К СССР политический класс Британии относился враждебно, но прагматично. Идеологическая трескотня часто была вуалью, за которой английские политики выстраивали планы развития отношений с Советским Союзом, исходя из национальных интересов своей страны. Ни одно государство в XX в. не оказало такой жизненно важной услуги Великобритании, как вступление Советского Союза во Вторую мировую войну 22 июня 1941 г. В тот день Уинстон Черчилль испытал, пожалуй, самое большое облегчение в своей жизни. Для поддержания сво-

его престижа на международной арене Лондон в 1950–60-е гг. стремился играть роль связующего звена между Москвой и Вашингтоном. В 80-е гг. Маргарет Тэтчер опередила других западных лидеров в налаживании отношений с «прорабами перестройки», чем, несомненно, укрепила свою репутацию тяжеловеса на международной арене. С 1999 г. Тони Блэр повторил этот опыт, на несколько лет став наиболее близким новому российскому президенту западным политиком.

В годы холодной войны отношение Британии к Советскому Союзу было замешено на смеси враждебности и прагматизма; в 90-е гг. им на смену пришли снисходительность и настороженность, чтобы в последние годы смениться на неприязнь и всё тот же прагматизм. Однако даже в годы холодной войны в своём отношении к советской России британцы делились не только на врагов и прагматиков. Среди них всегда было немало друзей России, особенно в профсоюзной среде, на левом фланге Лейбористской партии и в других левых политических движениях страны, среди творческой интеллигенции. В этой связи можно вспомнить имена Сиднея и Беатрисы Уэббов, Бернарда Шоу, Герберта Уэллса и др.

В Британии слой высокообразованных людей довольно многочисленен, поэтому до 1991 г., несмотря на идеологические и политические разногласия между государствами, уважение к русской науке и культуре помогало поддерживать симпатии британцев к русским на уровне человеческого общения. Что касается британских политиков и дипломатов, то многие из них восприняли современную Россию как наследницу СССР не только в смысле перехода к ней международных обязательств бывшей сверхдержавы, но и с точки зрения её геополитической роли, т.е. как противовеса США (а значит и Великобритании) на международной арене.

В обыденном сознании британцев, в представлениях «человека с улицы» современные образы России крайне размыты. С одной стороны, на мнение простого британца

большое влияние оказывают средства массовой информации, а британские СМИ отличаются особой предвзятостью в изображении России. С другой – англичане с большой осторожностью, порой цинизмом относятся к собственным политикам и пишущей братии. Массовое разочарование в Тони Блэре, особенно в связи с войной в Ираке, ряд скандалов и сомнительных ситуаций, в которые были вовлечены сам премьер и другие министры, утвердили британцев в мысли, что политикам доверять нельзя. И когда последние критикуют власти другой страны, то эффект от этого в общественном мнении может быть прямо противоположным, что и проявилось в отношении даже такого политизированного события, как отравление Литвиненко осенью 2006 г. Знакомясь с мнением британцев на сайте Би-би-си о действиях Лондона, выславшего российских дипломатов, бросается в глаза, сколь многие критикуют собственные власти за двойные стандарты.

Что касается отношения к современной России британских деловых кругов, то оно остаётся таким же, каким было в царское и советское время – сугубо прагматичным. Британский бизнес, особенно частный, всегда приветствовал помощь правительства в лоббировании его интересов за рубежом, но раздражённо воспринимал попытки властей политизировать сферу экономических связей. В последние годы, отмеченные охлаждением в российско-британских отношениях, британские предприниматели активно выступали против того, чтобы политическая конъюнктура ставила под угрозу позиции британского предпринимательства в России.

На складывание образа современной России в Великобритании большое влияние оказали события перестройки и их последствия. Горбачёв пользовался в Британии большой популярностью, так же, как Тэтчер в СССР. Жители Англии с большим интересом наблюдали за тем, что происходит в Советском Союзе. Особенно им импонировали разрядка напряжённости между странами в военной сфере и проведение демократизации политической системы СССР. В те годы произошёл новый всплеск интереса к нашей стране.

Однако длилось это не долго.

Когда к началу 90-х гг. социально-экономическая ситуация в Советском Союзе резко ухудшилась, а советский блок в Восточной Европе фактически развалился, помимо любопытства у западного обывателя возникло чувство тревоги и озабоченности. Одно дело наблюдать, как мощная держава реформируется и избавляется от образа врага, и другое – когда она разваливается и превращается из уважаемого государства в слабое, неспособное контролировать даже свою собственную территорию. Распад Советского Союза сильно повлиял на представления британцев о результатах окончания холодной войны. Россия превратилась из равнозначного партнёра, сыгравшего ключевую роль в её окончании, в проигравшую сторону, с интересами которой можно не считаться. Появилось ощущение превосходства. Особенно сильно эти настроения распространились в политическом классе Британии.

Образ поверженной и ослабевшей державы был основным рефреном отношения англичан (да и Запада в целом) к России в 90-е гг. Однако произошло не просто снижение интереса к России и её сползание в сознании британцев в категорию второразрядных государств. Позорная внутренняя социально-экономическая политика, проводимая Ельциным и его окружением, сюрреалистический расстрел российского парламента в 1993 г., провальная военная кампания на территории Чечни в 1994–95 гг., банкротство государства в 1998 г., разгул криминала в стране и другие «прелести» постсоветской России добавили к восприятию проигравшей державы чувства пренебрежения и даже презрения. Они же возродили к жизни и усилили стереотипы, сложившиеся на Западе, в том числе в Англии, в отношении к России ещё столетия назад – представления о России, как о стране варварской, отсталой, неевропейской, чужой. Участвовавшие случаи недостойного поведения главы российского государства на публичных мероприятиях способствовали тому, что Россию стали не просто жалеть или третировать, но и смеяться над ней. Появление

класса российских нуворишей привело к появлению ещё одного крайне невыгодного для страны феномена – «новых русских», неожиданно обогатившихся, малокультурных людей подчас с криминальным прошлым, а то и настоящим.

В меньшей степени на массовое сознание англичан, в большей степени на сознание британской политической элиты продолжала влиять инерция мышления не только периода холодной войны, но и стереотипы, уходящие корнями в историю. Несмотря на то что Британская империя рухнула уже полвека назад, историческая память о противостоянии её с российской империей по-прежнему жива. В XX в. британский истеблишмент испытал двойное унижение и приобрёл соответствующий комплекс неполноценности – после Первой мировой войны Британия быстро сдавала позиции мирового лидерства в пользу США, а после Второй – была окончательно оттеснена с командных высот мировой политики тандемом СССР – Соединённые Штаты.

Больше, чем в какой-либо другой стране помимо США, Советский Союз воспринимался в Англии как Российская империя в новом облики, и тем болезненнее было осознавать, что противоборство двух империй, начавшееся в XVIII в., закончилось победой противника. В 1940–50-е гг. британские политики сумели «наступить на горло собственной песне» и признали первенство США на мировой арене, но сделать то же самое в отношении советской России было неприемлемо. В середине XX столетия британцы тяжело переживали потерю статуса империи, а затем временно – и статуса великой державы. Тем с большим удовлетворением политический класс Великобритании воспринял развал СССР, и с тем большей настойчивостью в 90-е гг. и с особым постоянством в последнее время на страницах британской прессы и экспертных изданий муссируется тема неоимпериализма во внешней политике современной России. Это обстоятельство вызывает ответную реакцию, подпитывая российские стереотипы о Британии, как о коварном (или вероломном) Альбионе, где русофобия – в крови местных политиков.

Помимо разногласий между двумя странами, касающихся войны в Ираке и проблем в двухсторонних отношениях, косвенным образом их напряжённости способствовала ведущая роль Британии на пространстве Евросоюза в качестве государства, ратующего за приоритет расширения европейской интеграции над приоритетом её углубления. То же справедливо и в отношении роли Британии в экспансии НАТО. Ряд «младоевропейцев», впопыхах принятых в Евросоюз в 2004 и 2007 гг., как и ряд новоиспечённых и потенциальных членов НАТО, находятся с Россией в сложных отношениях и используют эти международные организации для сведения с ней исторических счётов. Лондон же больше, чем какая-либо из ведущих европейских столиц, выступал за скорейший приём в Евросоюз и в Североатлантический альянс и бывших восточноевропейских сателлитов Советского Союза, как и бывших советских республик. Не стоит сомневаться, что Британия и впредь будет поддерживать линию США на включение в НАТО новых членов, включая Грузию и Украину, а в ЕС будет продолжать лоббировать заявки новых претендентов на вступление в его ряды.

Выше говорилось о фундаментальных образах России, которые формируются и остаются почти неизменными веками (то же относится и к образу других стран). Их формирование или трансформация – процесс крайне медленный. Но существуют и образы иного порядка. Их жизнь по историческим меркам значительно короче и измеряется десятилетиями, а то и годами, они отражают не столько долговременные тренды истории, сколько приходящие или поворотные моменты в её течении, локальные эпизоды. Кумулятивный эффект таких образов укрепляет образы-архетипы, но может и постепенно их размывать.

Набор таких образов-архетипов о России, укоренившихся в Великобритании и на Западе в целом, как широкая русская душа (и сопровождающие её стереотипы-бренды русского гостеприимства, русского застолья, цыган и медведей, водки и матрёшки), великодержавность, авторитаризм, бедность, леность и др., пережили и Октябрьскую револю-

цию, и развал Советского Союза. Приходящие образы менялись, но не влияли на базовые представления. Например, в XIX в. в Англии царская Россия считалась бастионом правой реакции, защитницей статус-кво, а в XX в. её опасались за прямо противоположное – левый радикализм идеологический и социально-экономический. Однако в обоих случаях образ России как источника опасности сохранялся. Крушение СССР на время изменило представление о качестве опасности, исходящей от России: если раньше угрозой была её сила, то теперь – немощь. Однако в начале XXI в. источником опасности вновь стало укрепление российской державы.

Россия на время превращалась в партнёра и даже союзника Англии и Запада (в годы наполеоновских войн, во Вторую мировую войну, во время войны в Заливе в 1991 г. и афганской войны 2001 г.), но затем всё возвращалось на круги своя: Россия воспринималась как противник Британии. В зависимости от перипетий британской истории, англичане испытывали к России то чувство превосходства, например, после Крымской войны или после развала Советского Союза, то комплекс неполноценности, например, в годы Второй мировой войны или после развала Британской империи.

В других случаях новоиспечённые образы, рождающиеся в результате новых исторических событий, могли укореняться и видоизменять образы-архетипы. Так, достижения русской культуры в XIX – начале XX века в области литературы, театра, живописи, балета навсегда изменили представление о России, как о стране варварской и полуграмотной. Образы крестьянской, лапотной России навсегда ушли в прошлое с индустриализацией 1930-х гг. Роль нашей страны во Второй мировой войне, достижения советской науки, в первую очередь в сфере космических исследований и фундаментальной науки, заставили британцев, пожалуй, впервые после вступления русских войск в Париж в 1812 г. и после окончания иностранной интервенции в 1919 г. уважать Россию.

Что касается образов бедности и экономической отсталости, то россиян могут об-

надёжить примеры Японии и других «азиатских тигров», Италии или самой Британии, которых в разные периоды истории преследовала репутация государств с неэффективной экономикой и товарами низкого качества. Свои образы в положительную сторону меняли не только отдельные страны, но и целые цивилизации. Так, образ западноевропейской части европейской цивилизации долгое время был связан с бесконечными междоусобицами и войнами, апофеоз которых – две мировые войны XX в. Однако со времени, прошедшего с 1945 г., Западная Европа смогла переломить эту тенденцию и к началу XXI в. обрести образ миролюбивого пространства, навсегда отказавшегося от ставки на грубую силу.

Любопытно, что образы-архетипы часто взаимоисключают друг друга, и, тем не менее, уживаются в общей картине представлений о стране. Так, в Англии, как и на Западе в целом, общепризнанны достижения русской культуры, и всё же на Россию многие продолжали и продолжают смотреть как на нецивилизованную страну. То же можно сказать и о её науке, добившейся в XX в. грандиозных успехов, при том что Советский Союз западный обыватель рассматривал как отсталое государство. Квинтэссенцией такого противоречия в понятиях может служить, например, такой оксиморон, как изображение в голливудских фильмах российской космической станции, на борту которой – подвыпивший и неотёсанный мужик в валенках. Русская армия в западных СМИ и изобразительном искусстве, за редким исключением, непременно изображалась как плохо обученная и с допотопным оружием (военные победы русских традиционно объяснялись фактором «русской зимы»), но военной мощи России, несмотря на это, всегда боялись.

Эти парадоксы западного сознания – яркий пример того, что возникновение и бытование образов народа и стереотипов о нём среди иностранцев – процесс с большой долей иррациональности, в котором подсознание, эмоции играют большую роль, в котором знание и понимание не столь важно. Стереотипы могут одновременно быть укоренивши-

мися и иметь мало общего с реальностью, т.е. превращаться в миф. Образованный западный человек, овладевший рациональным мышлением, конечно, согласится, что Россия несколько раз только за последние два века подвергалась экзистенциальной угрозе с Запада (поход Наполеона, две мировые войны), но даже в его подсознании Россия всё равно остаётся и в своей царской, и советской, и нынешней ипостаси источником опасности.

Образы Великобритании в России также представляют собой довольно сложную картину. Среди устоявшихся наиболее распространёнными является представление об Англии как о колыбели парламентской демократии, как о «туманном», и в то же время «коварном Альбионе», как о стране многовековых традиций, об англичанах, как о людях прагматичных, консервативных, высокомерных, чурающихся иностранцев. Среди других устойчивых стереотипов: «мой дом – моя крепость», «слово джентльмена», «бремя белого человека». В русском сознании англичанин отсутствует как враг, что, несмотря на долгую историю противостояния Российской и Британской империй, вполне объяснимо: Крымская война 1853–1856 гг. была единственным полноценным военным столкновением между двумя странами, а память о ней потускнела на фоне союзнических отношений между Россией и Британией в Первую и Вторую мировые войны. Английская классическая литература не менее популярна в России, чем русская в Англии, и даже больше, чем во многих странах Западной Европы. Джеймс Бонд стал мировым брендом в том числе в России. Многие россияне внимательно следят за жизнью британской королевской семьи. Англия в последние годы – Мекка для российских бизнесменов.

Как в Британии, так и в России всегда существовали не только симпатии к другой стороне, но и сильные антипатии. В России никогда не было недостатка как в англофилах, так и в англофобах. Связано это было в первую очередь со столкновениями государств в политической сфере, а их в XIX и особенно в XX веке было множество. Это уже упомянутая Крымская война, Большая игра двух империй в Средней Азии, союз Англии с Япони-

ей в начале XX в., иностранная интервенция в России с участием Англии в 1918–1919 гг., оттягивание Лондоном до 1944 г. открытия Второго фронта, речь Черчилля в Фултоне в 1946 г. и т.д. Помимо американских политиков второй половины прошлого столетия, пожалуй, больше нигде не было таких последовательных противников усиления влияния российского государства, как в Великобритании. В XIX в. лавры борца с «русской угрозой» снискал себе в Европе либерал лорд Пальмерстон, а в XX в. – консерваторы Стенли Болдуин, Уинстон Черчилль и Маргарет Тэтчер. По их стопам с июля 2007 г. пошли лейбористы Гордон Браун и Дэвид Милебенд.

При рассмотрении многогранности взаимодействия российско-британских образов и имиджей важно учитывать то, что на представления о другом государстве, складывающиеся на страновом уровне, влияют процессы образотворения не только на низовом уровне человеческого общения, но и на региональном, блоковом и т.п. Так, на образ России в Великобритании влияет образ России, складывающийся на уровне наднациональной западноевропейской элиты. Он может как входить в резонанс с образами, существующими на страновом уровне, так и противоречить им. Однако приходится констатировать, что между образами России в Британии и в Евросоюзе становится всё меньше принципиальных различий. В этой связи важно противодействовать стремлению политического класса Англии навязать свои представления о России, учитывая наличие в них большого негатива, другим государствам-членам и наднациональным структурам ЕС. Ярким примером стала попытка Лондона в связи с делом Литвиненко использовать Евросоюз для европейзации проблем, касающихся сугубо двухсторонних отношений с Россией.

На пути партнёрства между Россией и ЕС стоит ряд мифов, которым необходимо противодействовать так же решительно, как и мифам в сфере российско-британских отношений. Одни из наиболее пресловутых – о «неоимперских амбициях» Москвы и о свёртывании демократии в России. Со своей стороны, России важно понимать, что ЕС – это не

новое издание «концерта великих держав», а наднациональное образование нового типа, рудименты «реалполитик» в политике которого отходят на второй план, уступая место наднациональным подходам.

Важно не отдавать явного предпочтения ни двустороннему формату отношений со странами-членами ЕС, ни отношениям с его руководящими органами, а маневрировать между этими двумя подходами, активно взаимодействуя с симпатизирующими России политиками и структурами. Так, в последнем докладе Комитета Палаты общин по международным делам, посвящённом России, содержится рекомендация британскому правительству выступить против разработки и подписания нового соглашения о сотрудничестве между Россией и ЕС. В этой ситуации Москве, которая в таком соглашении заинтересована, необходимо не допустить того, чтобы точка зрения одного из государств-членов стала доминирующей, а для этого надо всецело использовать весь спектр институциональных связей между Россией и ЕС.

Россия сталкивается со множеством трудностей и сильным противодействием в деле улучшения своего образа в мире. Однако для большинства других стран и регионов устойчивые стереотипы, искажающие реальность, – не меньшая проблема. Причём деятельность по навязыванию общественному мнению искажённых образов ведётся не только против потенциальных противников или заведомых врагов, но и часто против партнёров, и относиться к ней надо как к неотъемлемой части политической культуры Запада. Так, уже много лет идёт перетягивание каната между сторонниками «европейского социального рынка» и «англосаксонской» модели развития, причём в 1990-е гг. американцы в этом споре были явными фаворитами. Однако ничто не вечно под луной, и в последние годы идёт переосмысление мифов в отношении американской и европейской моделей развития. Усилиями западноевропейской интеллектуальной элиты практически уже развеян миф о том, что американская модель развития – наиболее передовая и эффективная, а европей-

ская, в том числе социальный рынок, механизмы социальной защиты, социального диалога, принадлежит прошлому, склеротична, закостенела и проигрывает по всем показателям американской.

Однако на основе серьёзных исследований эта картина была принципиально скорректирована. Оказалось, что в начале XXI в. США не вошли даже в первую двадцатку самых благополучных стран по показателю неравенства доходов и находились на 17 месте по пропорции бедного населения. До середины XX в. производительность труда в США росла быстрее, чем в Европе. В 1960 г. она почти в два раза превосходила показатели Франции и Германии. Однако с 1950 г. Западная Европа обгоняла США по темпам её роста. В 2002 г. производительность труда в ЕС составляла более 90% от уровня США, а в шести европейских странах, включая Германию и Францию, превосходила его. Доходы на душу населения в ЕС, действительно немногим более 70% от показателя США, однако львиная доля этой разницы объясняется тем, что европейцы работают меньше часов, чем американцы. В США вообще нет закона об отпуске, тем более оплачиваемом, и на практике сложился стандарт в две недели – скандальный для Европы показатель. В США нет оплачиваемого отпуска по беременности и по уходу за новорождёнными, в ЕС же он составляет от 14 до 24 недель. Наиболее уязвимый вопрос для Европы – занятость, однако и здесь ситуация не однозначна. В 1992–2000 гг. безработица в США упала с 7,5 до 4%, но к 2003 г. выросла до 6%. Это значительно меньше, чем 10% в ЕС, но необходимо учитывать тот факт, что больше 2 млн американцев не ищут работу, а количество заключённых в США увеличилось с 1980 г. с 0,5 до 2 млн человек. Кроме того, большая часть созданных в 1990-е гг. рабочих мест – временные или на полставки. По ряду подсчётов, реальная безработица в США к началу 2004 г. составила 9%. Наконец, из 140 крупнейших компаний мира – более 60 европейских.

На основании этих фактов европейцы сделали вывод о том, что имманентными

преимуществами американская модель развития по сравнению с моделью социального рынка не обладает. Таким образом, задача по борьбе с искажением образа Евросоюза была в значительной степени решена. Для России опыт этого спора важен, по крайней мере, по трём причинам. Во-первых, нужно быть готовым отстаивать свою точку зрения годами, причём делать это надо настойчиво и систематически. Во-вторых, чтобы добиться успеха, необходимо направлять на решение задачи значительные интеллектуальные и информационные ресурсы. В-третьих, критиковать кого-то – не значит отказываться от самокритики, но в то же время свои собственные достижения и преимущества необходимо всецело пропагандировать.

Следующий важный момент в борьбе за положительный образ: необходимо хорошо представлять себе не только то, что думают о твоей стране жители другого государства, но что они думают о собственной стране. Понять ход мышления другой стороны – значит, увидеть в нём не только отличия, но и общее по сравнению со своим собственным мышлением, что, в свою очередь, ведёт к лучшему взаимопониманию. Многие в России, как и в Британии, считают, что эти две страны чрезвычайно разные и сравнивать их нет смысла. Однако это далеко не так.

Споры между западниками и почвенниками идут в России с разной силой уже три века. Одни считают, что после распада Советского Союза наступил конец Евразии и многовековая эпоха трансконтинентальной державы завершилась. Другие доказывают неизменность евразийской сути страны, называется ли она царской империей, СССР или демократической Россией. Двойственность русского сознания, особенность русского пути кажутся многим некой российской исключительностью, отличающей её от западных стран. Но если пристально посмотреть на Западную Европу, то окажется, что проблема идентичности с особой силой затрагивает именно Великобританию.

«Мы веками были достаточно уверены в себе, чтобы обходиться без самоедства,

мы знали, кто мы есть, и не капались в себе. Но сейчас, теряя веру в себя, мы в растерянности ищем свою идентичность. Являемся ли мы нацией, территорией, объединены ли мы по языковому, культурному, имперскому признаку или только идеей?» Подобная фраза могла быть произнесена многими русскими мыслителями, но принадлежит она известному современному английскому философу Роджеру Скратону.

Оказывается, у наших двух стран намного больше общего, чем может показаться на первый взгляд. В истории России существует легенда о «призвании варягов», и монархическое генеалогическое древо начинается с пришлых Рюриковичей. В Англии в 1066 г. англосаксонских королей сменили нормандцы во главе с Вильгельмом Завоевателем. У обоих государств позже сложилось тройное этническое ядро – русские-украинцы-белорусы и англичане-валлийцы-шотландцы. У России и Англии – промежуточное географическое положение; у первой – на стыке между Азией и Европой, у второй – между Европой и Северной Америкой. Обе страны давно озадачены проблемой поиска своей роли в мире. В России и в Англии часто говорят о Европе в третьем лице, тем самым подчёркивая своё своеобразие.

Оба государства поочередно испытали стресс от потери своих империй, хотя для Англии это уже перевёрнутая страница истории, а для России всё ещё свежая рана. В обоих государствах остро стоит национальный вопрос, не утихают споры об унитарном, федеративном, региональном устройстве. На состояние национального самосознания сильное влияние оказывает проблема сепаратизма – Северная Ирландия и Чечня. Вот лишь некоторые названия книг, вышедших в Англии в последние годы, авторы которых озабочены вопросом британской самоидентификации: «Смерть Британии», «Ликвидация Британии», «Что значит быть британцем?», «Знаем ли мы, кто мы есть?» и т.д.

В России много говорят о межцивилизационной проблеме в ментальности, имея в виду азиатскую, восточную и европейскую, западную ипостаси. В Англии это проблема

европейской внутрицивилизационной неоднородности. Британские евроскептики, атлантисты – это по сути дела российские западники. Первые боятся, что Британия станет провинцией Европы, а вторые, что Россия скатится в некую азиатчину. Британские евроэнтузиасты опасаются, что их страна станет 51 штатом США, а славянофилы – что Россия превратится в задворки Европы.

У этих течений есть свои более радикальные интерпретации. Если в России сильно панславистское течение, сторонники которого призывают к союзу «братских славянских народов», то еврофобы в Англии давно вынашивают проект англосферы, англосаксонского союза, союза англоязычных наций. Ещё Уинстон Черчилль говорил о возможности единого англо-американского гражданства. Конрад Блэк, один из последователей этой идеи, пишет: «Британия географически, культурно и политически находится в центре Атлантического сообщества, тогда как по всем этим позициям она на периферии европейского порядка». Его единомышленник Роберт Конкест так говорит об англоязычных государствах: «Мы обладаем физической способностью и моральным престижем сохранить хрупкий мир на международной арене и в перспективе оказаться в её центре, являя пример мировому сообществу». С другой стороны, если в России немало симпатизирующих евразийским идеям в духе Льва Гумилёва, противопоставлявшего Великую степь Европе, то в Англии есть свои еврофедералисты, поддерживающие идею Соединённых Штатов Европы.

Как это часто бывает, кроме этих двух течений существует и усреднённая версия. Британские интеграллисты, схожие с российскими евразийцами-либералами, выступают за сближение страны и с объединяющейся Европой, и с Америкой. Маргарет Тэтчер называла Атлантическое сообщество Европой, расположенной по обе стороны океана, расширяя, таким образом, её границы далеко за пределы их географической константы. В США эти настроения встречают понимание. Патриарх американского политического истеблишмен-

та Генри Киссинджер считает нужным сохранить статус «особых отношений» между Англией и США и поддерживает идею двухскоростной интеграции Европы.

Идейное противостояние евроэнтузиастов и евроскептиков в Британии не ограничивается сотрясанием воздуха, а сильно влияет на реальную политику. Поражение консерваторов на парламентских выборах в 1997 г. не было бы таким катастрофическим, если бы тори не были глубоко разделены по оси проевропейцы – атлантисты. Лебедь, рак да щука британского менталитета тянут в разные стороны и идейные предпочтения на уровне гражданского общества. Опросы общественного мнения показывают, что большинство простых граждан считают ЕС главным фактором влияния на жизнь их страны в недалёкой будущем. Однако на вопрос, по крайней мере, до войны в Ираке, кто в случае кризиса будет главным внешнеполитическим союзником Британии, ещё больше людей отдавали пальму первенства США. Англия не избежала двойственного отношения к внешнему миру и в сфере внешней политики. Одни с времён Уинстона Черчилля цепляются за идею «особых отношений» с США, другие видят будущее страны в Европе.

Тони Блэр продолжал балансировать между двумя геополитическими центрами. «Не попадайтесь в ловушку мифологии о необходимости выбора между ЕС и США, – призывал он. – Наша тесная связь с Европой означает тесную связь с США». На фоне глубоких личных симпатий между Тэтчер и Рейганом, а позже между Блэром и Клинтонем, подобные пожелания казались обоснованными. Однако за годы после прихода в Белый дом Буша-младшего эта аргументация многим в Англии перестала казаться убедительной. Так, известный британский политический аналитик Хьюго Янг заявил: «Должна быть подведена черта под нашей ролью куклы Вашингтона».

Осознание того, что часто отношение Англии к России становится заложником «особых отношений» с США, не раз проявлял британский парламент. Это продемонстрировал и доклад Комитета по международным делам Палаты общин 2000 г., посвящённый

России, и последующий доклад по России 2007 г. В документе 2000 г. говорилось, что Россия имеет глобальные интересы как в Азии, так и в Европе. Правительству рекомендовано сделать всё возможное для максимального вовлечения России в Совет Россия-НАТО, а последняя должна «продемонстрировать желание вступить в искренний диалог с Россией и лучше учитывать последствия своих действий в отношениях с ней». В докладе признавалось, что у России есть причины ставить под сомнение верность НАТО своим обязательствам перед Советом в условиях преднамеренной маргинализации её роли в ключевых вопросах европейской безопасности. «США предлагают России такую форму отношений, – говорилось в докладе, – которая во многом связывает действия Москвы на международной арене в отсутствие ответных гарантий безопасности». Также признавалось, что невнимательность к опасениям России по поводу расширения НАТО на восток нанесло отношениям Москвы с Альянсом урон. В Докладе 2007 г. прямо сказано: «Мы пришли к выводу, что на отношения Британии с Россией негативное влияние оказали отношения Британии с Вашингтоном. Мы рекомендуем правительству улучшить отношения с Россией, не ухудшая при этом наши отношения с США».

Наблюдения об общих элементах в российском и английском самосознании, а также наглядный пример двух указанных докладов служат наглядным подтверждением того, что процесс формирования образов России в Великобритании подвержен множеству внутренних и привходящих факторов. Без их понимания и учёта задача по улучшению образа России в Британии трудно решается.

В последние годы усиливается парадоксальная ситуация, когда экономические отношения между Россией и Британией развиваются семимильными шагами, и с той же скоростью ухудшаются их политические отношения. Происходят процессы сродни раздвоению личности: образ России в Британии становится всё менее цельным, и различные сообщества страны всё более расходятся в своих оценках современной России. Как разви-

вались эти процессы?

Помимо несовпадения позиций по Ираку и отсутствия Тони Блэра на праздновании 60-летия Победы в Москве, острые политические разногласия возникли в связи с предоставлением Великобританией политического убежища беглому олигарху Борису Березовскому, эмиссару чеченских сепаратистов Ахмеду Закаеву и ряду других лиц, включая нескольких бывших сотрудников ЮКОСа. Протест России вызвал показ по британскому телевидению интервью с главарём чеченских боевиков Шамилем Басаевым. Всего за последние годы из Москвы в Лондон был направлен 21 запрос о выдаче российских граждан, однако ни один из них не был удовлетворён. Некоторые из «политэмигрантов» использовали территорию Великобритании для развёртывания антироссийской деятельности. Так, в начале 2006 г. Березовский в выступлении по британскому радио заявил о своём участии в подготовке насильственного захвата власти в России. В конце 2005 г. разгорелся скандал вокруг незаконной деятельности на территории России британских спецслужб. Четыре сотрудника посольства Великобритании были уличены в шпионской деятельности, которая включала использование для связи с агентурой новейшего электронного устройства, закамуфлированного под камень.

Нарастание проблем в российско-британских отношениях отразилось в Обзоре внешней политики России, подготовленном МИД РФ осенью 2006 г. В параграфе, касающемся Великобритании, говорится:

Великобритания остаётся для нас важным, хотя и не простым партнёром. Главный ресурс дальнейшего развития российско-британских связей – торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, а также совместные наработки в сфере антитеррора, имеющие, однако, ограничители в виде известной позиции Лондона по проблеме т.н. «новых политэмигрантов». Несмотря на масштабность нашего сотрудничества, двусторонние отношения и взаимодействие на международной арене сдерживаются от-

кровенно мессианским настроем значительной части британской политэлиты, в том числе в отношении внутривнутриполитических процессов в России².

На примере этого тезиса хорошо просматривается раздражение России по поводу двойного подхода Британии к развитию двухсторонних отношений – одна модель используется для решения экономических задач, и совсем другая – для решения политических. Обращает на себя внимание и использование термина «мессианский» в отношении настроений британского политического класса – знаковое понятие в образе Британии в России, как и России в Британии.

В 2007 г. отношения между двумя странами ещё больше ухудшились и с тех пор так и остаются на точке замерзания. Это было связано со смертью в ноябре предыдущего года Александра Литвиненко, бывшего сотрудника ФСБ, получившего политическое убежище в Великобритании и работавшего на Б. Березовского. Литвиненко был отравлен в одном из лондонских ресторанов высокорadioактивным веществом полоний-210. В следующие месяцы российские следственные органы активно сотрудничали со своими британскими коллегами в раскрытии данного преступления. В мае 2007 г. Королевская прокуратура Великобритании предъявила обвинение в преднамеренном убийстве Андрею Луговому, также бывшему сотруднику ФСБ, и направило запрос в Россию с требованием его экстрадиции. Генеральная прокуратура России ответила отказом, обосновав своё решение тем, что Статья 61 Конституции РФ запрещает выдавать российских граждан другим странам. Вместе с тем британской стороне предложили рассмотреть вопрос о привлечении Лугового к уголовной ответственности на родине при условии, что Великобритания предоставит российским следователям достаточные доказательства его вины.

Вместо того чтобы согласиться с этим предложением, не нарушающим российское законодательство, Лондон пошёл на политизацию и обострение ситуации. К тому времени

² Обзор внешней политики Российской Федерации, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/690A2BAF968B1FA4C32572B100304A6E (14.09.2007).

в Великобритании сменилось правительство: в июне 2007 г. премьер-министром страны стал Гордон Браун, занимавший в кабинете Тони Блэра пост министра финансов; Дэвид Милибенд сменил Маргарет Бекетт в должности руководителя Форин-офис. В ответ на отказ России выдавать Лугового британские власти объявили о высылке четырёх российских дипломатов, о приостановке переговоров об облегчении визового режима и о прекращении сотрудничества между разведывательными службами двух стран. В истории двусторонних отношений после окончания холодной войны это был второй случай высылки дипломатов. В 1996 г. девять британцев, уличённых в шпионаже, были объявлены в России персонами нон-грата. Тогда Лондон в качестве ответной меры выслал четырёх россиян. На этот раз МИД РФ прибегнул к «зеркальным» мерам – Москву покинули четыре британские дипломата. Несмотря на провокационные действия руководства Великобритании и на усиление антироссийских настроений в этой стране, власти РФ выразили надежду на то, что здравый смысл и уважение к закону в двусторонних отношениях возобладают.

Совсем по-другому российско-британские отношения развивались в торгово-экономической сфере. В 2000 г. Великобритания располагала второй по масштабу после США государственной программой экономического и технического сотрудничества с Россией (на её реализацию выделялось 50 млн ф.ст. в год). Лондон оказывал содействие в проведении российских реформы в энергетическом секторе, делился опытом решения социальных и экологических вопросов, например, в связи с реструктуризацией угледобывающих предприятий. Реализовывались сельскохозяйственные проекты, планы поддержки малого бизнеса. Товарооборот между Россией и Великобританией составил в 2006 г. порядка 15 млрд долл. Россия имеет положительный баланс в торговле с Соединённым Королевством, но до сих пор основная часть российского экспорта – сырьё и товары первичной переработки.

В то же время количество примеров промышленной кооперации растёт. В России активно действуют британские компании или компании с британским участием, например, «Роллс-Ройс» (в авиационной промышленности), «Кэдберри Швепс» (в пищевой), «Бритиш Америкэн Тобакко» и «Гэллэхэр» (в табачной), «Проктор энд Гэмбл» (в фармацевтической). В 2002 г. британский Департамент гарантий экспортных кредитов при Министерстве торговли и промышленности возобновил страхование британских компаний, желающих инвестировать в России.

Наиболее значительные позиции британских инвесторов в топливно-энергетическом комплексе России. Их роль в российской экономике велика в первую очередь благодаря компаниям «Би-Пи» и «Роял Датч – Шелл». 2006–2007 гг. связаны с укреплением позиций российских предпринимателей в совместных проектах с участием британских компаний. Так, «Газпром» выкупил часть акций у «Роял Датч – Шелл» в проекте «Сахалин Энерджи», а позже договорился о приобретении у «ТНК – Би-Пи» акций компании «РУСИА Петролеум», владеющей лицензией на разработку Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Российский бизнес активно проявляет себя на Британских островах. «Газпром» намеревается занять к 2015 г. до 20% рынка сбыта газа Соединённого Королевства.

Объём британских инвестиций в Россию в 2006 г. превысил 5,5 млрд долл. Великобритания прочно вошла в число крупнейших зарубежных инвесторов в российскую экономику. За первый квартал 2007 г. прямые инвестиции британского бизнеса в Россию достигли 3 млрд долл. По накопленным инвестициям британские компании также занимают лидирующие позиции: только «Би-Пи» инвестировала в российские активы 9 млрд долл.

В свою очередь, Лондон превратился в одну из ведущих «площадок» для деятельности российских предпринимателей за рубежом. Российские компании – это треть первичных размещений на Лондонской фондовой бирже (ЛФБ). К середине 2007 г. в Велико-

британии торговались акции более сорока российских компаний, общая капитализация которых превысила 500 млрд долл. В 2006 г. благодаря первичному размещению акций на ЛФБ российский бизнес привлёк 20 млрд долл. В 2007 г. с большим успехом прошло размещение на ЛФБ акций российского Внешторгбанка.

К сожалению, негативное влияние политической составляющей в сфере российско-британских отношений значительно перекрыло как в российских, так и в британских СМИ влияние экономической составляющей. Лондон и Москва активно используют в обоюдной пропагандистской войне негативные составляющие образов друг друга. О британском «вкладе» в этот процесс уже говорилось, и к наиболее свежим примерам британских «инвестиций» в стереотипы о России ещё придётся возвращаться не раз. В российской же прессе, особенно активно начиная с 2007 г., реанимированы конспирологические версии, с позиции текущей политической конъюнктуры трактуются факты и тенденции международных отношений, существовавшие в далёком прошлом. И в том и в другом подходе зёрна истины попадают, но их абсолютизация отнюдь не способствует правильному выстраиванию внешней политики России в начале XXI в.

Так, появились публикации о «теневого империи» дома Виндзоров, рассуждения о лидерстве Британии в некоем аристократическом Традиционалистском клубе с масонской подоплёкой, который противопоставляется не только пространству существования России, но и Либеральному клубу во главе с США. На телевидение вышло несколько программ, в которых предпринимается попытка связать события далёкого прошлого в отношениях между Россией и Британией с современной ситуацией. Одним из наиболее заметных телепроектов стал документально-аналитический сериал «Большая игра» с М. Леонтьевым во главе. В восьми сериях подробно рассказывается об истории противостояния Российской и Британской империй в Средней Азии и на Среднем Востоке и проводятся прямые параллели с действиями Англии и США в последние десятилетия и годы в Ираке,

Афганистане, Центральной Азии. Суть такого приёма – показать извечность и имманентность противоречий между Россией и Британией, неизбежную враждебность в их взаимоотношениях в качестве доминирующей составляющей последних. Надо сказать, что стремление вынести на свет божий правду о мировом закулисье, где якобы командные высоты занимает Англия, проявляется не только в России, но и на Западе. Так, американский мыслитель Л. Ларуш уже давно пишет о том, что уже после распада Британской империи Англия продолжает править миром посредством контроля над США, в которых она в своё время способствовала победе сторонников свободнорыночной экономики над адептами капитализма рузвельтовского толка³.

Действительно, Соединённое Королевство долго правило морями и над его империей долго не заходило солнце. Оно могло позволить себе проводить политику «блестящей изоляции» и иметь «временных союзников и постоянные интересы». Но после Второй мировой войны звезда Пакс Британика закатилась окончательно. С роковым законом взлёта и падения великих держав не смог тягаться даже британский лев. К 1970-м гг. Англия превратилась в «больного человека Европы». Прощание с империей грозило перерастать в расставание и со статусом великой державы. Однако в последующем Лондон сумел выправить свои внешнеполитические позиции и теперь стабильно входит в десятку наиболее влиятельных государств мира.

Конечно, сегодня многие британцы были бы не прочь, если бы их страна играла роль некой мировой закулисы и дёргала за ниточки политиков даже в Вашингтоне. В свою очередь, конспирологи в других странах не устают подозревать Британию в теневом могуществе. «Коварный Альбион» де продолжает вести Большую игру, только на этот раз не самостоятельно против царской России в Средней Азии, а руками Соединённых Штатов в глобальном масштабе. Подумайте, какая это могла бы быть блестящая мистификация –

³ Более подробно, см. например: Б. Межуев. Империя выходит из тени // журнал Смысл, декабрь 2007.

затаиться в северо-западном углу Европы в образе смирившегося со своей судьбой государства, чтобы продолжать править бал с помощью неотёсанных янки!

Но, увы, реальность более прозаична: новейшая история беспощадно обошлась с былыми британскими амбициями и чувством превосходства. Сегодня в Британии комплекс «маленькой Англии» значительно сильнее, чем неоимперские настроения реванша. Страна, с точки зрения большинства англичан – не владычица морей, а осаждённая крепость, еле сдерживающая натиск иммигрантов. Действительность такова, что высшие британские военные чины неустанно обвиняют правительство в пренебрежении интересами армии. Сами же британские политики в отчаянии кусают локти, когда американцы относятся к ним свысока и нарушают данные им обещания так же легко, как дают их. Да, Британия самая сильная в Западной Европе военная и финансовая держава, но на кукловода регионального, уж тем более глобального масштаба она явно не тянет.

Британия не волк в овечьей шкуре, но, конечно, и не слабый игрок. Он опытен, профессионален, а когда надо – хитёр и циничен. В его арсенале – постоянное место в Совбезе ООН, ядерный арсенал, самая эффективная в Западной Европе армия, членство в НАТО, ЕС, «большой восьмёрке» и т.д. По-прежнему мало равных Англии в дипломатическом искусстве, правда, когда политики не подминают под себя Форин-офис. Это искусство заключается не в том, чтобы претворяться слабаком, скрывающим свою реальную силу, а чтобы добиваться большего, чем того позволяют ресурсы. «Ударить сильнее своих возможностей» – вот краеугольный камень британской внешней политики. Для достижения этой цели с успехом используются и «особые отношения» с США, и Содружество наций, и жонглирование статусами то «неудобного», то «прагматичного партнёра» Евросоюза, а то и его «сердцевины». России нельзя позволять Британии поучать себя, но поучиться у бывшей империи есть чему.

Отметим ещё две особенности процесса складывания образов государств. Во-

первых, образ страны формируется из многих составляющих, его можно сравнить со среднеарифметическим значением. Каждый социум структурирован как по вертикали, так и по горизонтали, и каждый класс и социальная группа, разделяя некие базовые ценности и черты национального характера, под разным углом зрения смотрят на окружающий мир. В результате их восприятие другой страны может существенно различаться. Представление о другом государстве водителя, искусствоведа, политика, учёного, военного или предпринимателя обязательно будет иметь свои нюансы, а то и принципиальные отличия. Таким образом, мы имеем дело с множеством «локальных» образов одного и того же объекта восприятия. По-этому нельзя абсолютизировать «среднеарифметическое» представление о другой стране. Нужно, учитывая, конечно, важность таких обобщений, выделять в каждом социальном и профессиональном слое иностранного общества те группы населения, которые на своём «локальном» уровне, «со своей горки» смотрят на Россию с той или иной степенью симпатии, и опираться на них в продвижении привлекательного образа нашей страны. В Великобритании таких людей немало.

Во-вторых, существуют мощные средства формирования и модификации образов, по их унификации – средства массовой информации, включая информационную политику государства. Последнее нередко использует информационное поле для манипуляции общественным мнением в интересах политического класса, особенно его правящей части, а его интересы, как известно, далеко не всегда тождественны интересам остальной части общества. В силу законов функционирования механизма представительной демократии, легитимизирующих власть элиты и предоставляющих широкие возможности по контролю за информационными потоками, и в свете процесса профессионализации ремесла политика в XX в., когда политика превратилась в высокоспециализированную сферу деятельности с изощрённым пропагандистским арсеналом, образы другой страны, складывающиеся у политической элиты данного государства, как правило, доминируют в обществе. Так как

интересы государств сталкиваются в политической сфере, пожалуй, чаще, чем в экономической и иных, такое доминирование в периоды напряжённости в межгосударственных отношениях приводит к сильному искривлению образов, их однобокой подаче, упору на негативе.

В то же время в последние десятилетия нарушить монополию политического истеблишмента на формирование образов другого государства помогло распространение Интернета, мобильной связи, развитие транспортных сетей, других средств коммуникации, приведшее к беспрецедентному увеличению количества туристов, путешествующих, мигрантов.

И всё же, несмотря на все разговоры о снижении роли государства в условиях глобализации и уменьшении влияния политики на жизнь общества, обыватель в любой стране, даже высокоразвитой, продолжает находиться под большим влиянием информационной политики государства. Поэтому любая страна для улучшения своей репутации за рубежом должна иметь в своём арсенале образоформирования (имиджмейкерства) все возможные каналы информационной политики, но в то же время стремиться к поиску взаимоприемлемых решений с политическими элитами других стран. Это в полной мере относится и к российско-британским отношениям.

ГЛАВА II

РОССИЯ КАК ИМПЕРИЯ (ВЗГЛЯД ИЗ БРИТАНИИ)

Образ России в глазах общественного мнения, политических элит и интеллектуальных кругов других стран сильно изменился за последние два десятилетия. Степень такого изменения варьируется в зависимости от политических предпочтений, информированности, способности к объективному анализу. Одни видят в нынешней России государ-

ство, которое в 1991 г. начало свою историю с чистого листа, другие воспринимают его как преемника Советского Союза со всеми его плюсами и минусами, третьи – как продолжателя российской истории, «прерванной» в 1917 г. На основе каждой из этих интерпретаций или их комбинации, в зависимости от используемого набора фактов, домыслов и стереотипов делаются подчас противоположные или существенно различающиеся выводы.

История отношений России и Великобритании сложна и противоречива. Две бывшие империи, государства, доминировавшие в разные периоды своей истории в Европе и мире, часто были противниками, хотя не раз – стратегическими союзниками. Их взаимодействие можно представить в виде волнистой кривой, обозначающей смену периодов похолодания и потепления в отношениях. В зависимости от этого менялся и образ другой стороны: российский и британский «человек с улицы», представитель политического класса испытывал к государству по другую сторону европейского континента то симпатии, то неприязнь. Последняя особенно часто брала верх над другими эмоциями в последние полтора века со времён Крымской войны. Негатив во взаимном восприятии был укоренён, несмотря на то что Британия и Россия в трёх крупнейших военных конфликтах XIX–XX вв. – в эпоху наполеоновских войн и во время двух войн мировых – были союзниками.

Одна из тем, которая часто поднимается в беседах с британскими историками и политологами, – параллели, аналогии, сравнения из истории Российской и Британской империй, а что как не история империй – один из мощнейших источников создания образа государства. Нужно отметить, что по ряду вопросов эксперты из разных стран быстрее находят взаимопонимание, если они – граждане бывших метрополий, а, следовательно, лучше понимают феномен империй, не обращаются с этим понятием небрежно, не экстраполируют его вольно на иные исторические периоды. «Существует некое негласное со-

общество бывших империй, тех, кто когда-то правил миром, – говорит Нил Фергюсон⁴. – Мы принадлежим к одному клубу – клубу бывших империй, и именно поэтому британское отношение к России так сильно отличается от американского».

Империя – понятие сильно идеологизированное. В XX в., особенно в годы антиколониальной борьбы, оно приобрело ярко выраженное негативное звучание, да и по сей день заявить, что такая-то страна – империя или что она проводит неоимпериалистическую политику – значит, как правило, подвергнуть её резкой критике. Вместе с тем, развивается и противоположная тенденция – ревизия истории империй. В Великобритании спрос на такую ревизию был вызван как внутренними, так и внешними обстоятельствами: в первом случае – концептуальными нововведениями во внешнеполитической доктрине Британии после выдвижения Тони Блэром идеи «гуманитарной интервенции», во втором – стремлением США закрепить за собой доминирующую роль в мире и идеологически обосновать стремление вмешиваться в дела других государств (приукрашенная история Британской империи с этой точки зрения оказалась весьма кстати).

Тема России и империи фигурирует в рассуждениях британских экспертов во всех трёх контекстах: России царской, России советской и России современной. В докладе Трёхсторонней комиссии, соавтор которого – сэр Родерик Лайн, посол Великобритании в РФ в 2000–2004 гг., даются прямолинейные характеристики советского периода российской истории⁵. Термин «империя» используется больше как пропагандистское клише: вопреки исторической достоверности СССР характеризуется не просто как империя, но как примитивно организованная империя, состоявшая из метрополии и эксплуатируемых ко-

⁴ Из личного архива автора. Нил Фергюсон, старший научный исследователь Колледжа Иисуса Оксфордского университета, профессор Гарвардского университета, специалист по истории империй.

⁵ 59-й доклад Трёхсторонней комиссии США, Англии и Японии (Roderic Lyne, Strobe Talbott, Koji Watanabe. *Engaging with Russia. The Next Phase. A Report to the Trilateral Commission*: 59. Washington, Paris, Tokyo, 2006). Доклады комиссии интересны не только потому, что их авторы по традиции – известные политики и учёные, но и тем, что их пишут с привлечением большого числа специалистов, включая высокопоставленных государственных чиновников, и по сути они представляют точку зрения значительной части политического истеблишмента западных стран.

лоний, сатрапий и покорённых народов⁶. Такая интерпретация государственного строительства в годы советской власти, потоков распределения ресурсов может вызвать улыбку даже у школьников, не поленившихся познакомиться, например, с предметом экономической географии. Даже по отношению к царской России такое описание было бы не вполне правдоподобным; изображение же РСФСР метрополией, а остальных 14 советских республик – колониями относится к области нездоровой фантазии. Если применить логику авторов доклада к британской истории, то Англия окажется метрополией, а Шотландия и Уэльс – колониями (наиболее радикальные националисты в этих британских регионах так и считают).

Однако в большинстве случаев британские эксперты не придерживаются столь предвзятой позиции. Доминик Ливен⁷, один из ведущих в Великобритании специалистов по истории империй, называет их сложными мировыми системами. Добавим к этому, что одни империи были главными составляющими целых цивилизаций, как, например империя Майя или империя Инков; другие сами представляли собой цивилизации, заключающие в себе множество государственных и полугосударственных образований, как, например Римская империя. В этом случае понятие империи противостоит понятию национального государства. Однако встречаются и противоположные варианты. Так, Китай на протяжении многих веков – не только восточная империя, но в Новейшей истории – и национальное государство.

Какие основные отличительные черты империи? Это огромные территории и ресурсы, региональное, а в отдельных случаях глобальное господство или доминирование, своя система ценностей и идеология, цивилизаторская функция, не только способность, но и желание взять на себя ответственность за судьбу других народов. Существовали импе-

⁶ Например, см.: Roderic Lyne et al. P. 158.

⁷ Из личного архива автора. Доминик Ливен, профессор Лондонской школы экономики и политических исследований, специалист по истории империй, автор книги «Российская империя и её враги с XVI века до наших дней». Изд. Европа, М., 2007.

рии морские, состоявшие из метрополий и колоний, и континентальные, такие как Российская, Австро-Венгерская или Османская. Эти прописные истины показывают всю нелепость попыток характеризовать империю одного типа с помощью характеристик, присущих другому, или обнаружить империю там, где её не было или нет.

Империи прошлых исторических эпох, как правило, отличались территориальной экспансией, широким использованием военной силы для принуждения – характеристики, которые в XX в. потеряли своё значение, что, однако не означает, что вместе с ним ушёл в прошлое и сам феномен империи. Нил Фергюсон выделяет до 17 моделей империй, которые в свою очередь делятся на либеральные и нелиберальные. Последние два типа могут быть присущи одной и той же империи в зависимости от того, какой период её истории рассматривается. Так, до XIX столетия Британская империя, основываясь на рабстве, была «нелиберальной», однако затем под влиянием евангелистского христианства и светского либерализма превратилась в «либеральную», т.е. стала проводить принципы свободной торговли, частной собственности и представительной демократии.

Была ли царская Россия империей? Да, безусловно, была, но империей сухопутной, не менее переселенческой, чем колонизаторской, к которой понятия метрополии и колоний применимы с большими оговорками. Был ли СССР империей? «Если вы хотите назвать Советский Союз империей, – уверен Ливен, – то он был империей в том же смысле, что и Соединённые Штаты, потому что обладал не только огромной властью, огромной территорией, многонациональным государством, но в некотором смысле определял видение цивилизации. Он рассматривал себя так, как рассматривает себя Америка сейчас – пиком цивилизации». Такое определение «Советской империи» имеет мало общего со смыслом, который сегодня вкладывают в этот термин многие западные политики и советологи. Является ли нынешняя Россия в каком-либо смысле империей? «Я не считаю современную Россию империей, – считает Ливен. – Она не обладает значительной мощью, а чтобы

быть настоящей империей, необходимо иметь огромную силу и оказывать несравненное влияние на мировую политику».

Однако дело не только в отсутствии достаточной мощи, хотя нельзя не согласиться с английским учёным, что России, казалось бы, присущи некоторые черты империи – это многонациональная страна, протяжённые территории, большая ответственность за сохранение безопасности во многих регионах мира. Однако рассуждать о ней как об империи, даже вкладывая в это понятие современное нейтральное значение, не имеет особого смысла. Ресурсы и мощь могут обеспечить государству статус великой державы, но не статус империи. По мнению Алекса Правды⁸: «Говорить о России как о метрополии можно лишь как о своеобразной метрополии, как о постимпериалистическом явлении».

Чтобы продолжать именоваться империей в условиях постмодернистского мира, необходимо нечто большее – то, что выборочно было присуще империям и в прошлом: мессианизм, культурная, ценностная экспансия, способность и желание брать на себя ответственность за судьбы других народов, т.е. массивное использование, согласно современной терминологии, «мягкого влияния». Задача же максимум для России на много лет вперёд – стать достаточно развитой и влиятельной страной для того, чтобы вернуть себе достойные позиции в рамках европейской цивилизации⁹. Представляется, что в постмодернистском смысле претендовать на статус империи могут лишь три центра силы в мире: США, Евросоюз и Китай. В свою очередь только о Китае можно говорить, как об отдельной цивилизации.

Британские исследователи намного серьёзнее относятся к имперской проблематике, рассуждая о США. В этом случае, как и в случае с Россией, они советуют осторожно

⁸ Из личного архива автора. Д-р Алекс Правда, преподаватель Оксфордского университета, член Управляющего совета Колледжа Сент-Энтони, специалист в области политической истории СССР и современной России.

⁹ В российской и зарубежной печати вместо термина «европейская цивилизация», которая вбирает в себя не только страны Европы, включая Россию, но и бывшие британские доминионы и США, часто ошибочно или намеренно используется штамп «западная» или «евроатлантическая цивилизация». Как правило, это делается для того, чтобы вывести Россию за рамки «цивилизованной общности».

обращаться с термином империя. «Является ли современная Америка империей или нет, зависит от того, какой смысл вы в это вкладываете, – говорит Ливен. – Это своего рода полемический вопрос, ведь почти всегда империя означала отсутствие демократии. В определённом смысле США – империя, потому что она доминирует глобально и распространяет своё влияние во всех сферах – военной, идеологической, экономической, культурной». И он, и Фергюсон считают, что с распадом Британской империи часть её функций перешла Соединённым Штатам. «Соединённые Штаты очень похожи на Британскую империю по своим целям, – считает Фергюсон, – однако отличаются в методах, которые они используют. Например, Америка не желает признавать, что она – империя, – то, что я называю “имперским отрицанием”, тогда как британцы очень гордились своим имперским устройством».

Действительно, в годы холодной войны обе сверхдержавы наклеивали друг на друга ярлык империи, – чего стоит только рейгановская «империя зла». Но в последние годы традиционно негативное для XX в. восприятие понятия «империя» перестало быть общепринятым: популярность стала приобретать идея об Америке как о либеральной империи, которая распространяет по всему миру идеалы демократии и прав человека, и которая в свете своей добродетельности и чистоты помыслов имеет право на принуждение, включая применение военной силы. Однако в Великобритании эта идея так и осталась маргинальной, что не скажешь о США. Например, Рой Аллисон¹⁰ так отзывается о ней: «В США идёт спор о либеральном империализме, о котором некоторые мечтают в России. Но идея империи, взятая из прошлого, когда ресурсы добывались за счёт колоний и зависимых государств, не имеет места в современном мире, эта концепция неприменима».

Попытка перенести концепцию либеральной империи из истории Британии XIX в. в наши дни не срабатывает не только по соображениям этики и морали, но и с утилитар-

¹⁰ Из личного архива автора. Д-р Рой Аллисон, старший преподаватель Лондонской школы экономики и политических исследований, специалист в области внешней политики и политики безопасности России, Украины, государств Центральной Азии и Закавказья.

ной точки зрения. «США не располагают той степенью влияния на события в других странах, как им приписывают, – уверен Рой Аллисон. – Ирак это хорошо показал. Войска США размещены по всему миру, но по сравнению с положением бывшей Британской империи это не впечатляет». Британские политологи отмечают, что в действительности успехи Британской империи основывались на том, что она не рассматривала силу как основу распространения своего влияния в мире, тем более не навязывала с её помощью свой образ жизни другим народам. Кроме того, у неё был сильный козырь – принцип «разделяй и властвуй», который в современном мире не может принести большую пользу США.

До начала войны в Ираке наибольшей популярностью пользовалась точка зрения о США как о мировом гегемоне, которого ещё не видела история, а концепция многополярности чаще вызывала раздражение, чем поддержку, в том числе в России. Достаточно вспомнить, как в штыки приняли концепцию «треугольника “Россия – Индия – Китай”». Лишь иракские события заставили многих пересмотреть свои взгляды, увидеть то, на что указывали во второй половине 1990-х гг. лишь немногие – при всём своём могуществе США по своему влиянию не дотягивает ни до уровня, на котором они находились после Второй мировой войны, ни до уровня влияния, которым располагала Британская империя в XIX в. «Говорить об однополярном мире – это шаблонный подход, – отмечает сэр Родрик Брейтвейт¹¹. – Ирак это с наглядностью показал. Некоторые американцы рассчитывали добиться своих целей с помощью военной силы, но из этого ничего не получилось». Это мнение разделяет и Алекс Правда: «В то время как Клинтон относился к многостороннему подходу всерьёз, Буш всё делал исключительно в интересах Америки и не видел серьёзных преимуществ в согласовании интересов». Вместе с тем, как в России, так и в Британии эксперты отмечают, что американская политика переживает большие измене-

¹¹ Из личного архива автора. Сэр Родрик Брейтвейт, посол Великобритании в СССР и в России в 1988–1992 гг.

ния: «В Ираке амбиции США потерпели крах, – выносит свой вердикт Стюарт Крофт¹². – Администрация Белого дома уже не верит в то, что все проблемы решит самостоятельно. По-этому она и обратилась к содействию ООН, ЕС и НАТО».

И всё же более сбалансированное отношение к понятию «империя» в западной политологической мысли распространилось, за исключением редких случаев лишь на современные Соединённые Штаты и на историю Британской империи. Деполитизации этого термина в отношении истории СССР или постперестроечной России практически не произошло. СССР – это по-прежнему в большинстве изложений западных ангажированных обозревателей – «империя зла», даже в таких серьёзных материалах, как упомянутый доклад Трёхсторонней комиссии, а оценки внешней политики России по-прежнему пестрят эпитетом «неоимперская», стоит только познакомиться, например с подшивкой, казалось бы, respectable британского журнала «Экономист».

Попытки нового прочтение истории Британской империи привели к пересмотру ряда стереотипов, утвердившихся в XX в. и связанных с процессом деколонизации. В то же время более объективный взгляд на неё нередко сопровождается спорными выводами о современной природе международных отношений. Так, Фергюсон утверждает, что необходимо заменить лозунг «бремени белого человека» на лозунг «бремени развитого мира». «Понятие цивилизаторской миссии сохранилось, несмотря на то что язык Киплинга ушёл в прошлое, – говорит он. – Стремления современных либеральных империалистов в действительности немногим отличаются от киплингского языка столетней давности». На это можно ответить, что стремление изменить мир к лучшему нельзя не приветствовать, но делать это на основе возрождения крайне спорной концепции либерального империализма, а не укрепления системы международного права и существующих международных институтов, недальновидно.

¹² Из личного архива автора. Стюарт Крофт, профессор Бирмингемского университета, специалист в области международных отношений и безопасности.

В то же время большинство британских экспертов едины в том, что США, претендуя на цивилизаторскую миссию, не сделали должных выводов из ошибок английских колонизаторов. «Если посмотреть, как ведут себя Соединённые Штаты, вторгаясь в Афганистан и Ирак и пытаясь навязать свою политическую систему государствам, так отличным от них, – рассуждает Фергюсон, – можно утверждать, что они повторяют негативный опыт Британской империи. Первое, что приказал сделать командующий британской армии, захватившей Багдад в 1917 г., – распространить прокламацию, в которой говорилось: “Мы пришли к вам не как завоеватели, а как освободители”». Ещё хуже, с точки зрения Фергюсона, обстоит дело в Ираке: «То, что происходит в Ираке очень напоминает события в 1920 г. После окончания Первой мировой войны британцы достаточно легко утвердили свою власть в Ираке, но через некоторое время по всей стране прокатилось восстание. Было несложно предсказать, что тот же сценарий повторится во время ближневосточной кампании США, но они проигнорировали исторические уроки».

Эти оценки в целом совпадают с теми прогнозами и предостережениями, которые делали российские аналитики перед вторжением англо-американских войск в Ирак в марте 2003 г. Почему же Британия дала себя втянуть в иракскую войну, несмотря на то что это бывшая империя с громадным опытом, в том числе глубокими знаниями в отношении региона Ближнего Востока? Алекс Правда считает, и с этим нельзя не согласиться, что Лондон попался в ловушку «особых отношений» с США: «После Второй мировой войны появилась иллюзия, – говорит он, – что Британия может оказывать влияние на США с помощью информации, анализа, рекомендаций и советов, создалась видимость того, что она продолжает играть глобальную роль, используя мощь Соединённых Штатов». С ним солидарен Родрик Брейтвейт. «Это мечта, – характеризует он “особые отношения”. – Американцы могут обходиться без нас. Им удобно иметь такого союзника, но для нас большой пользы в этом нет. Каждый очередной британский премьер-министр утверждает, что

нам не надо выбирать между Европой и США, что мы будем представлять Америку в Европе и Европу в Америке. Это, конечно глупо. Когда американцы хотят говорить с немцами, они не делают это через Лондон». С сарказмом о стремлении Лондона «сидеть на двух стульях» между Европой и США отзывается и Доминик Ливен, замечая, что Британия всё время между этими стульями падает.

Беседы с британскими экспертами убеждают в том, что распространённый в России образ Великобритании, как страны монолитно защищающей позиции США на международной арене, не адекватен, особенно в последнее время. До сих пор немало представителей британского политического истеблишмента считают именно так, однако их позиции становятся всё уязвимее, а ряды малочисленнее, и, вероятно, что в скором будущем внешнеполитические приоритеты страны без лишней шумихи будут пересмотрены. Иракская война только ускорила этот процесс. Сейчас трудно найти в Британии специалиста по международным отношениям, который бы не считал, что вторжение в Ирак было грубейшей ошибкой Вашингтона и Лондона, и что «особые отношения» в понимании Тони Блэра исчерпали себя. «Британцы оказались для администрации Джорджа Буша полезными союзниками, – отмечает Доминик Ливен, – но их влияние на Белый дом незначительно. Британия – небольшая страна, а политические процессы в Америке очень жёсткие. Какое дело американским политикам до “маленького” Тони Блэра?»

Судя по всему, идеи о превентивных ударах по другим странам, о «гуманитарных вмешательствах» без широкой международной поддержки, о насаждении демократии силой оказались в глазах большинства британских специалистов полностью несостоятельными. В пользу этого приводится множество аргументов. По мнению одних, британские власти в 2002–2003 гг. намеренно вводили общественность в заблуждение. «Значение нефти и стратегических интересов США на Ближнем Востоке было понятно с самого начала, – считает Алекс Правда, – так же как и лицемерное отношение Запада к ирано-

иракской войне. Теперь же [перед войной с Ираком в 2003 г.] британское правительство предоставило информацию, которая оказалась ложной, правительство обманывало англичан». (Есть и те, кто, критикуя британские власти, всё же верят в то, что Блэр был искренен в своём восприятии угрозы, исходившей от режима Саддама Хусейна.) Другие отмечают влияния неоконсерватизма на внешнюю политику США. «Некоторые представители американской администрации, – говорит Стюарт Крофт, – публично призывали к нападению на Ирак уже через несколько дней после событий 11 сентября 2001 г., это был шанс [неоконсерваторов реализовать идею демократизации Ближнего Востока – Авт.]». Бесперспективной называет политику «насаждения демократии» лорд Хёрд¹³: «Ирак научил нас тому, что политические изменения не могут произойти с помощью танков и ракет. Эти страны должны научиться сами находить выходы из тупиков. Перемены должны произрасти на их собственной почве». Серьёзным провалом стала с точки зрения сэра Дэвида Логана¹⁴ неспособность соотнести вторжение в Ирак с решением палестинского вопроса.

В то же время, критикуя чрезмерный проамериканизм во внешней политике Тони Блэра последних лет, нельзя забывать о том, что переориентация Лондона с США на Европу – дело далеко не лёгкое. Если политический класс страны в целом созрел для этого, то в общественном мнении до сих пор преобладают настроения евроскептицизма. С одной стороны, сильное недовольство населения зависимостью Британии от США на международной арене должно заставить Лондон активнее включиться в процессы европейской интеграции, но с другой, – то же население однозначно провалило бы референдумы о присоединении Британии к зоне евро или о принятии Евроконституции, будь они проведены. «Большинство населения не хотело, чтобы Британия участвовала в Иракской войне, – указывает на этот феномен Доминик Ливен. – В этой ситуации можно было бы предвидеть усиление поддержки ЕС как единственной геополитической альтернативы США. Но бри-

¹³ Из личного архива автора. Лорд Хёрд – министр иностранных дел Великобритании в 1989–1995 гг.

¹⁴ Из личного архива автора. Сэр Дэвид Логан – директор Центра изучения проблем безопасности и дипломатии, Бирмингемский университет.

танцы отказываются подчиняться этой логике. Политическая элита понимает, что Британия должна находиться в ЕС, и знает, где лежит главная сфера интересов Британии, но основная масса населения пока другого мнения».

Возвращаясь к образу Российской империи в глазах англичан, отметим, что история векового соперничества двух империй, то, как они воспринимали взаимные и общие угрозы, наложили глубокий отпечаток на их отношения, и он даёт о себе знать до сих пор. Россия и Британия, даже в периоды наибольшего разлада, воспринимали друг друга на уровне политических элит скорее в качестве соперников, чем врагов (это было уделом идеологической пропаганды). Этому способствовала и их территориальная отдалённость, и обстоятельства, которые делали ту и другую сторону практически неуязвимыми: в одном случае этому способствовало наличие огромных сухопутных расстояний, в другом – островное положение метрополии. В силу географических причин зоны их влияния пересекались незначительно.

Сегодня часто можно услышать среди российских и британских политологов упоминание о «великой игре» в Афганистане и прилегающих территориях, которую Российская и Британская империи вели в Средней Азии в XIX в., и которая якобы в трансформированном виде возвращается в мировую политику. О современной интерпретации некой «великой игры» можно спорить, но её изначальный смысл, превратившись в стереотип, имеет гораздо меньше веса, чем принято думать. В подтверждение этого приведём слова Доминика Ливена: «Вся эта чепуха относительно Индии или Центральной Азии, – говорит он о прошлых противоречиях бывших империй, – это своего рода игра, которой вы забавляетесь, когда больше нечем себя занять». Что касается современного истолкования «великой игры», то Рой Аллисон утверждает: «Эта метафора неуместна, так как сегодня страны региона [Центральной Азии – Авт.] далеко не так зависимы, как в XIX веке. Сейчас они в значительно большей степени определяют свою судьбу».

Если уж и говорить о новом раунде «великой игры», в которой участвуют Россия и Британия сегодня, то речь должна идти о борьбе с терроризмом в регионе Большого Ближнего Востока. Не удивительно, что британские и российские эксперты, т.е. представители тех стран, которые по очереди «наступали на грабли» Афганистана в XIX, а затем в XX в., а Британия имела ещё и отрицательный опыт умиротворения Ирака, с большим скепсисом отнеслись к стратегии США по борьбе с терроризмом с помощью применения крупномасштабной военной силы вкупе с желанием в кратчайшие сроки трансформировать политический и культурный уклад этих стран. «Многие империи пытались “расколоть” Афганистан, – говорит в этой связи Фергюсон. – Эта страна – крепкий орешек. Поэтому неудивительно, что США прекратили попытки преобразовать Афганистан, хотя он и стоял первым в списке государств, которые они планировали перестроить». К этому можно добавить, что, несмотря на риторику, демократизация Ирака с помощью принуждения также оказалась несостоятельной.

Больше, чем в «великой игре», Российская и Британская империи были заинтересованы в недопущении появления между собой мощного центра силы. Если такой и возникал, то теоретически он мог рассчитывать на завоевание одной из них, но никогда – двух сразу, да и первую цель за последние несколько сот лет не удалось достичь никому. Царская Россия и Великобритания в течение длительного исторического периода были своего рода балансирами в раскладе политических сил в Европе, которые обеспечивали относительно равномерное распределение «силовых полей» на субконтиненте. Эти обстоятельства и объясняют ту причудливую смесь неприязни и одновременно признания преимуществ другой стороны, которая и по ныне характеризует отношения политических элит и экспертных сообществ двух государств.

Эти отношения пестрели множеством стереотипов (которых и сегодня немало), перешедших в век XX из прошлых исторических эпох. Один из самых устойчивых было

представление о русской, а затем о советской угрозе, которая в Великобритании воспринималась сквозь призму имперского менталитета. В этой связи Доминик Ливен вспоминает, как в 1982 г. во время обеда с рядом британских политиков разговор зашёл о советской угрозе как об исторической константе, вызванной «неуёмным желанием русских к экспансии». В качестве одного из доказательств кто-то обратился к истории, посетовав, сколько беспокойств причинили русские Британии на северо-востоке Индии. «Столько наивности было в этих рассуждениях, – с юмором замечает Ливен. – Ведь для того чтобы угрожать интересам Британии в этом регионе, ей самой надо было сначала проявить экспансионизм; подумайте, где Кент, а где Индия!»

Надо сказать, что в России царской и Советской (да и современной) представление об угрозе со стороны Британии или Запада в целом было (и в определённой степени остаётся) не менее искажённым. Конечно, дело каждого Генштаба учитывать все возможные угрозы, в том числе самые маловероятные. Однако подозрение в том, что потенциальный (или выдуманный) противник вот-вот на тебя нападёт, часто в истории проникало в умы людей далеко за пределами военных кругов. Британская империя воспринималась современниками как несокрушимая, а британский правящий класс почти всегда жил в ожидании внешнего вызова. Так и Советский Союз со стороны производил впечатление незыблемости и монолитности, но постоянно опасался угрозы нападения. В годы холодной войны в Западной Европе и в США только и думали о том, как предотвратить экспансию Советов. В каждом из этих случаев внешние угрозы преувеличивались, в то время как источники этих «угроз» жили с менталитетом «осаждённой крепости» и только и думали, что об обороне.

Родрик Брейтвейт так описывает эту ситуацию: «В XIX веке у нас был самый могущественный военно-морской флот в мире, а мы всех боялись, в том числе русских. Это было глупо. Я до сих пор не понимаю, как кто-то мог опасаться того, что русские пере-

бросят армию через Гималаи. Мы боялись царской России, затем СССР, а сами не понимали, почему русские боятся нас. Эта история теперь повторяется и с США: все думают, что это сверхдержава, а очень много, что она сейчас делает, вызвано отсутствием у неё ощущения безопасности». Опасения в отношении современной России сохраняются, говорит бывший британский посол в Москве, но эти опасения совсем иного рода: они связаны не с чрезмерной мощностью страны, а с её чрезмерным ослаблением, и как следствие этого – с возможностью утечки ядерных материалов и т.п. О коренном изменении образа России в глазах британцев говорит и Дэвид Логан: «В Британии люди понимают, что Россия больше не враг, что Россия больше не представляет угрозы, а является страной, с которой мы развиваем отношения».

Лорд Хёрд также призывает Россию отказаться от менталитета холодной войны: «России не стоит бояться никаких конспираций. Россия больше не сверхдержава, но по-прежнему великая страна и ей не нужно пугаться темноты. Она слишком большая, чтобы оказаться в кольце. У вас есть мощное экономическое оружие – нефть и газ, хорошо обученное население; у вас есть законные интересы за пределами российских границ, и я надеюсь, что американское правительство и правительства европейских стран будут их уважать». Эти слова можно только приветствовать, хотя позицию бывшего министра иностранных дел Великобритании разделяют на Западе далеко не все, и продолжающееся расширение НАТО на Восток, антироссийская риторика в ряде стран Европы этому наглядный пример.

Многие британские эксперты разделяют точку зрения о том, что царская и советская политические элиты находились в чрезвычайно сложной ситуации, решая вопросы безопасности страны. В течение последних столетий все наиболее серьёзные угрозы российскому суверенитету исходили со стороны Запада, включая «смутное время» в XVII в., наполеоновское вторжение и две мировые войны. Что касается двух последних, когда ос-

новным источником угрозы была Германия, Российская империя, а затем Советский Союз столкнулись с геополитической головоломкой – как предотвратить господство Германии в Европе? В первой половине XX в. перед Россией стояла альтернатива: вступить в союз с Британией и Францией против Германии или же сыграть на их противоречиях. По первому пути Россия пошла во время Первой мировой войны, но катастрофы не избежала. В 1939 г. она выбрала второй вариант, но вновь понесла громадный ущерб. Сталин, считает Доминик Ливен, основывал свою политику на предположении, что Германия будет воевать с Британией и Францией несколько лет, а вместо этого Париж пал через шесть недель. К этому стоит добавить, что в свете то-го, что после Второй мировой войны Германия, Франция и Британия впервые в истории вошли в один военно-политический блок, не говоря уже о США, одержимость СССР вопросами безопасности в период холодной войны становится тем более понятной.

Сложная история российско-британских взаимоотношений не могла не привести к тому, что в каждой из двух стран в отношении друг друга усиливались то «филии», то «фобии». В XIX в. пик взаимной неприязни и даже ненависти пришёлся на годы Крымской войны, а затем на последнюю треть XIX в. Заключение Антанты в 1907 г. переломило эти настроения, и в Первую мировую войну державы вступили союзниками. События 1917 г. в России, последовавшая иностранная интервенция вновь окрасили образы другой стороны в злоешие тона. Однако тогда чувства людей были весьма смешанные, ведь Советская Россия была популярна в Великобритании среди значительной части народных масс. В 1930-е гг. симпатии к СССР со стороны британских интеллектуалов и простых граждан усилились. «Мои родственники из Глазго, – вспоминает Нил Фергюсон, – были убеждёнными коммунистами, побывали в Советском Союзе и вернулись оттуда убеждёнными, что это рай для рабочих». Расцвет русофильских и англофильских настроений пришёлся на годы Второй мировой войны. Холодная война вновь всё изменила, хотя вра-

ждебность к Советскому Союзу не достигла в Великобритании такого же уровня, как в США. В какой-то мере это объяснялось и тем, что после Второй мировой войны в Британии возник феномен антиамериканизма, который распространился не только среди интеллектуалов и политических сил, симпатизировавших первому социалистическому государству, но и среди тех, кто не мог примириться с тем, что Британия уступила США место ведущей державы мира.

В России и Великобритании часто проводят параллели между разрушением СССР и распадом Британской империи. «Многие представители политической элиты Британии, – считает Стюарт Крофт, – видят сходство в истории развития наших стран за последние 50 лет. За этот срок Британия превратилась в маленькую страну, стала гораздо меньше и Россия. В наших отношениях присутствует некая чуткость, понимание трудностей переходного периода». В рассуждениях британских экспертов лейтмотивом служит мысль о сложности процесса расставания с империей, высказывается понимание того мучительного процесса по созданию нового государства, с которым Россия столкнулась в 1991 г. (как было отмечено выше, термин «империя» в отношении СССР применим лишь в своеобразном контексте). «Русские хорошо понимают, что значит падение империи, – говорит Нил Фергюсон, – и как сложно отказаться от своего прошлого, особенно если это прошлое было таким блистательным», хотя на вторую часть этого высказывания можно возразить, что отказываться от своего прошлого совсем не обязательно. Родрик Брейтвейт замечает, что Британия, потеряв империю, так окончательно и не нашла себе новой роли в мире, так и не ответила на вопрос: ближе она к Европе или к Америке? Учитывая то, что в целом распад Британской империи завершился уже порядка 40 лет назад, продолжающаяся 16 лет спустя после разрушения Советского Союза дезориентация России по поводу своей геополитической и цивилизационной принадлежности не удивительна.

Примечательно, что среди британских специалистов редко услышишь упрощённые

представления о распаде СССР, связанном якобы с ущербностью социалистической идеологии, «восстанием масс» или экономической несостоятельностью Советского Союза. Разговаривая с ними, не устаёшь удивляться тому, что их политически не ангажированный взгляд на историю СССР значительно объективнее той мифологизированной истории последних лет его существования, которую навязали стране в первой половине 1990-х гг. российские «реформаторы». В Советском Союзе популярной была тема фальсификации истории на Западе, связанная, например, с принижением роли нашей страны в разгроме фашизма. Но степень искажения и очернения советской истории в самой России после 1991 г. может легко дать фору западным фальсификаторам.

Алекс Правда уникальность произошедшего в 1991 г. усматривает в том, что Центр добровольно ушёл со своей периферии, которую многие политики в Москве рассматривали как бремя. Более того, он интерпретирует распад СССР как во многом рукотворный. «Я далеко не уверен, что политические лидеры, которые согласились на распад СССР и в каком-то смысле его организовали, – рассуждает он, – продумали все последствия своих действий с точки зрения безопасности страны». Алекс Правда не без оснований считает, что причиной краха СССР стал национализм, в первую очередь в республиках Прибалтики. Однако не меньшую роль, по его мнению, сыграло корыстное использование местными политическими элитами националистических настроений. Британский исследователь, безусловно, прав и в первую очередь в отношении РСФСР, где Борис Ельцин и его окружение в годы, предшествующие сговору в Беловежье, делали всё возможное для разжигания антисоветских настроений среди руководства республик. И с этой точки зрения можно говорить не столько о параллелях, сколько о различной природе гибели Британской империи и СССР. Достаточно сказать, что британская политическая элита всеми силами сопротивлялась процессам дезинтеграции Британской империи, а элита советская в лице части своей республиканской партийно-хозяйственной номенклатуры, напротив способ-

ствовала распаду союзного государства.

Эти и другие факты говорят о том, что между процессами распада СССР и Британской империи – больше отличий, чем общего. Так, можно поспорить с Нилом Фергюсоном, который считает, что «падение Британской империи произошло столь же быстро, как и распад Советского Союза». С точки зрения длинных исторических рядов – возможно (особенно если вспомнить о Римской империи, гибель которой растянулась на несколько веков), но с позиции политических процессов – явно нет. Британская империя распадалась несколько десятилетий, когда только фаза открытой дезинтеграции заняла четверть века (вторая половина 1940-х гг. – 1960-е гг.), за это время выросло новое поколение людей. Если же учитывать предшествовавшую деколонизации скрытую фазу дезинтеграции, то надо прибавить ещё несколько десятилетий. О возможности распада СССР до конца 1980-х гг. говорили только футуристы, но не серьёзные исследователи; разрушение Советского Союза произошло стремительно, за считанные годы. Причём если в Британской империи центробежные импульсы шли от периферии к центру, то в СССР – в обратном направлении.

Второе отличие заключено в следующих словах Роя Аллисона: «То, что колонизаторов и колонии разделяют большие расстояния, позволяет последним легче обрести независимость как с психологической, так и с практической точки зрения». СССР же представлял собой единое глубоко интегрированное сухопутное пространство, расчленять которое по административным границам республик на отдельные государства было всё равно что резать по живому. Характер распада Британской империи был совсем другим; среди прочего он не привёл к отсечению больших масс коренных британцев от самой Британии. После же развала СССР более 20 млн русских оказались за пределами России.

Третье существенное отличие – исчезновение Советского Союза привело к глубокому политическому и социально-экономическому кризису в России и в большинстве

бывших союзных республик, а гибель Британской империи в основном ограничилась для Великобритании проблемами психологической адаптации и поддержания внешнеполитического статуса. Эту точку зрения подтверждают слова Стюарта Крофта: «Британии после распада империи не пришлось трансформировать свою экономическую систему; Россия же была вынуждена её изменить и, как следствие, пережить грандиозные изменения». Что касается сферы внешней политики, британские эксперты оценивают распад СССР как неоднозначное явление. «[Мир после распада Советского Союза] стал менее опасным, но и менее управляемым, – говорит Родрик Брейтвейт. – Менее опасным, потому что снизилась угроза ядерной войны, а менее управляемым, потому что раньше существовала всем понятная и до определённой степени удобная международная система отношений».

Параллели между печальной судьбой СССР и Британской империи распространяются и на их постсоветскую и постимперскую историю. Российские специалисты высказывают в целом высокое мнение о британском опыте по контролю за процессом распада империи, положительную оценку получает деятельность Содружества наций. Со своей стороны британские исследователи обычно отмечают закономерность создания СНГ для решения общих проблем безопасности, миграции, борьбы с терроризмом, экономической реинтеграции и т.п. В то же время они говорят о низкой эффективности его структур, связанной в первую очередь с политической конъюнктурой и субъективным фактором, а проще говоря – с отсутствием политической воли.

Так, Алекс Правда высказывает озабоченность по поводу очевидного отсутствия у России стратегического мышления относительно пространства СНГ, изначальная концепция которого распадается на субрегиональные политические проекты – один для Центральной Азии, другой – для Кавказа, третий – для Украины, четвёртый – для Белоруссии (хотя отдельные структуры с участием членов СНГ в последнее время набирают вес в глазах британцев, в первую очередь ШОС). «Стратегическое видение СНГ, – говорит учёный,

– должно включать в себя подлинный многосторонний подход. На деле же СНГ напоминает колесо от телеги, спицами которого являются двусторонние отношения России с другими государствами – участниками». С этим трудно не согласиться, ведь дистанция между риторикой руководства России и до 2000 г., и после о первенстве СНГ среди внешнеполитических приоритетов России и реальными действиями нашей дипломатии всё увеличивается, всё громче голоса тех, кто призывает «похоронить» СНГ. Неудивительно, что в Великобритании, которая получила немало внешнеполитических дивидендов благодаря Содружеству, отсутствие у политического класса России стремления остановить деградацию СНГ вызывает удивление.

Немало британских специалистов не только считают естественным формирование более сильного и жизнеспособного межгосударственного объединения на постсоветском пространстве, но в отличие от многих других европейцев признают законность российских интересов на его просторах. Так, Доминик Ливен отмечает, что в СНГ «Россия использует свою власть весьма разумно. Она полагается не столько на военную, сколько на экономическую силу. Здравый смысл проявляется и в её стремлении контролировать свои природные ресурсы и трубопроводную систему. Россия защищает собственные интересы в этом регионе, и с имперской политикой это не имеет ничего общего». Подобной точки зрения придерживается и лорд Хёрд: «У России есть свои стратегические, экономические, политические интересы [в регионе СНГ – Авт.]. Здесь немало проблем, например, у вас большие трудности с Грузией. Мы должны прислушиваться к вашему голосу, он важен, и это не голос империи. Вы партнёры США и Евросоюза, и господин Путин пытается обсуждать с ними имеющиеся проблемы, а не конкурировать».

Хорошо известны слова Уинстона Черчилля, назвавшего Россию «загадкой, покрытой мраком неизвестности». Это высказывание относится к 1939 г. С тех пор многое изменилось, и наша страна стала намного доступнее для понимания Запада. Однако, судя по

всему, загадки ему она задаёт до сих пор. «Современная Россия – это тайна, – признаётся лорд Хауэлл¹⁵. – Но мы хотим, чтобы Россия вместе с нами решала мировые проблемы. Мир это сложная иерархия, и Россия должна занять в ней достойное место».

ГЛАВА III

БРИТАНИЯ КАК ИМПЕРИЯ (ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ)

Пакс Британика

Споры о кризисе идентичности, постигшем Великобританию во второй половине XX в., идут не переставая. Они то утихают, то разгораются вновь, но предстают бесменным атрибутом современного политического дискурса. Головоломки о предназначении Британии, о её месте в мировой системе координат – явление с глубокими историческими корнями. Это не удивительно, ведь своеобразное геополитическое положение государства, отделённого от континентальной Европы узким проливом, всегда служило существенным фактором в его развитии.

Стереотип об островном менталитете британцев, в первую очередь англичан, часто истолковывается превратно. В действительности жители государства-острова почти никогда не ощущали себя островитянами, отрезанными от большой земли и живущими изолированно. Напротив, Британия представлялась лишь преддверием чего-то большего, первым контуром развития, за которым следуют другие, тихой и безопасной гаванью, из которой отправляются в более отдалённые владения.

Казалось бы, островное положение страны должно было склонить британцев к отчуждённости, замкнутости, заставить их довольствоваться окраинным положением в Европе. Однако они воспользовались им для достижения противоположной цели – вырвать-

¹⁵ Из личного архива автора. Лорд Хауэлл – представитель Консервативной партии в Палате лордов по вопросам внешней политики и Содружества наций.

ся из плена острова, открыть для себя Большой мир и приспособить его к своим потребностям. Окружающий Британию мировой океан стал средством не столько защиты от иностранного нападения, сколько территориального расширения, не преградой, а проводником устремлённости британцев вовне.

В то же время, островное положение государства, ощущение его жителями своей особенности, наложило на их характер своеобразный отпечаток. Стремление к познанию окружающего мира, знакомству с другими народами и культурами, пытливость и любознательность соседствовали с высокомерием и заносчивостью, общением свысока, «на расстоянии вытянутой руки», с уверенностью в том, что само проведение предопределило для британцев роль наставников, покровителей и повелителей. В ходе формирования империи, по мере того, как колониальные границы Британии всё дальше удалялись от её исторических рубежей, как всё более обширные земли оказывались во владении британской короны, цивилизаторская миссия несла с собой не только умиротворение, просвещение и патернализм, но насаждение чуждых другим культурам порядков и подавление инакомыслия.

Уже в раннем средневековье Британия ощущала свою территориальную стеснённость и претендовала на обширные владения во Франции. Однако на континенте она столкнулась с не менее амбициозными и сильными соперниками, что заставило её искать удачи за пределами Европы. Здесь-то двойственная роль островного положения раскрылась в полной мере, обеспечивая относительную безопасность от поползновений соседей и открывая безграничные возможности для воплощения британского мессианства. В XVI-XVIII вв. мир стал свидетелем появления невиданной по размаху и мощи империи, где «никогда не заходит солнце». В XIX в. она простиралась на пяти континентах, на её территории проживало 700 млн человек.

Для британцев империя не была исключительно источником наживы и механиче-

ской суммой чуждых территорий, силой контролируемых метрополией, но взаимосвязанной корпорацией. Границы метрополии были лишь границами внутренними и промежуточными, но именно границы внешние, по периметру империи, очерчивали мир, в котором британцы долгое время чувствовали себя как дома. Для них империя имела экзистенциальный смысл, была воплощением их мироощущения, представляла собой живой организм, к которому они испытывали отеческие чувства.

Империя была ключевым фактором не только внешней, но и внутренней жизни метрополии, поддерживала в ней социальное спокойствие, заставляя представителей всех слоёв общества чувствовать себя членами великой нации избранных. Империя для англичан стала символом величия, их гордостью, неотъемлемой частью национального самосознания, и в то же время воспринималась как нечто обыденное, проявление естественного порядка вещей. Это наглядно подтверждалось тем, что в пределах империи на протяжении долгого времени, вплоть до середины XX в., выезд людей из Великобритании намного превышал въезд. Коренные британцы с охотой направлялись в колонии, протектораты, доминионы, зависимые территории на военную, государственную, частную службу, в качестве миссионеров, жили там годами и поколениями.

Во второй половине XIX в., когда Британская империя находилась на пике своего могущества, во времена, окрашенные деятельностью таких личностей, как Бенджамин Дизраэли, Джозеф Чемберлен и Сесиль Родс, сформировался миф о «бремени белого человека», своего рода моральное оправдание имперского правления. В наиболее отточенной и эмоционально выверенной форме он нашёл выражение в творчестве Редьярда Киплинга. Действительно, в сознании большинства британцев того времени управление империей представлялось хоть и драгоценной, но тяжёлой ношей, требующей, помимо материальных и физических затрат, проявления таких качеств, как чувство долга, альтруизм и самопожертвование. Отношение англичан к своей империи было подстать куртуазной

любви, воспетой средневековыми трубадурами, труверами и миннезингерами. Речь шла о чувствах рыцарских, благородных, высоких, но безответных и, в конце концов, обречённых.

Действительность была жёстче романтических галантных представлений о Британской империи, однако несомненно, что отношение к ней британцев не сводилось к голому прагматизму и сухому расчёту. Имперский образ мышления, то есть мышление категориями глобального охвата, свободного перемещения населения, товаров и услуг, финансов на больших пространствах, просвещенческий мессианизм, снисходительное отношение к другим народам, ощущение англосаксонской исключительности, до сих пор в значительной степени определяет менталитет британцев.

Со временем они стали относиться к своей империи как к явлению вечному и непреходящему, факту бытия. Считалось, что в общеисторическом контексте империя внесла бесценный вклад в мировое развитие, освободив многочисленные народы от варварства. Многие британские политики, особенно консервативного толка, вплоть до середины XX в. утверждали, что Британская империя – наиболее эффективный из известных инструментов распространения демократии. Как здесь не вспомнить аргументы современных сторонников неоимперской политики, обслуживающих интересы единственной сверхдержавы.

Хотя планы либерализации режима колониального правления разрабатывались уже с середины XIX в., о возможной дезинтеграции империи мало кто помышлял. Тогда казалось аксиомой, что случись это, и Британия превратится во второразрядное государство. Правящие элиты нельзя было заподозрить и в благодушии. Они не почивали на лаврах колонизаторов, а вплоть до Второй мировой войны прилагали усилия по модернизации империи. В зависимости от обстоятельств они делали ставку то на военную силу, то на реформы. В первом случае им сопутствовали как удачи, так и поражения. Англо-бурская

война на рубеже столетий оказалась для Лондона тяжёлой, но победной. В то же время у себя под боком Британия не смогла удержать в колониальной орбите Ирландию, добившуюся независимости в 1921 г.

В других случаях использовалась «мягкая сила». К 1914 г. британские доминионы – Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка – обладали широким самоуправлением. Вестминстерский статут, принятый в 1931 г., ещё больше расширил их самостоятельность. Теперь в доминионах британские законы вступали в силу только с их согласия, а законы, вводимые доминионами, больше не нуждались в одобрении Вестминстера. В следующем году на Оттавской конференции была введена система имперских преференций, защитившая рынки империи ввозными пошлинами. В 1935 г. был принят либеральный Закон об управлении Индией. Сложилась концепция Содружества как новой формы отношений между метрополией и переселенческими территориями, а затем и всеми бывшими колониями Британии.

Тем трагичнее воспринималось постепенное угасание, упадок империи, ставший необратимым в результате новой расстановки сил после Второй мировой войны. Этот процесс был болезненным не только с психологической точки зрения, но с экономической и военной. Даже в середине XX в., когда деколонизация была в разгаре, около четверти всего экспорта и импорта Соединённого Королевства всё ещё приходилось на империю. Если к этому добавить невидимые дивиденды от обладания империей, сопутствующий ей престиж, военные базы и коммуникации, раскинувшиеся по всему миру, то становятся понятны масштабы смятения в головах британских политиков, вынужденных в 1940–60-е гг. расставаться со всем этим добром.

Обретение в 1947 г. независимости Индией, «жемчужины в короне Британской империи», «открыло шлюзы». Однако в первые послевоенные годы значительная часть британского истеблишмента всё ещё считала, что дальнейшего ослабления империи можно

избежать. Она продолжала фигурировать в качестве главной опоры новых планов по мироустройству. В британском Форин-офисе рассматривалась идея «третьей силы» – создания под предводительством Британии и её владений блока западноевропейских стран, который мог бы на равных соперничать с СССР и США. Уинстон Черчилль, в свойственной ему размашистой манере, выступил с концепцией «трёх кругов», опоясывающих Британию. Главенствующая роль опять же отдавалась империи, за которой следовали отношения Соединённого Королевства с США и британскими переселенческими территориями. Взаимодействие с континентальной Европой по своей приоритетности ставилось тогда на третье место. Характерно заявления Черчилля, сделанное им после прихода консерваторов к власти в 1951 г., что он выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи».

В целом же реакция британцев на деколонизацию была подобна ощущениям родителей, которые не знают, радоваться или печалиться, что их дети выросли и хотят жить отдельно. Конечно, была суэцкая авантюра, были попытки удержать колонии силой, бряцание оружием и отдельные эпизоды, которые в наши дни назвали бы «фактами военного преступления», например, жестокости в Малайе и Кении. И всё же внешне Британия расставалась с империей без надрыва, с характерным для англичан эмпирическим подходом к вещам, без самобичевания и паники. Она напоминала фаталиста, который знает, что изменить ход событий ему не под силу, и покорно сносящего удары судьбы.

Последние иллюзии о возможности сохранения империи были развеяны Суэцким кризисом 1956 г. Именно тогда британский политический класс в своём большинстве окончательно осознал, что претензии Британии на сохранение статуса глобальной державы не подкреплены ни экономической, ни финансовой, ни военной мощью. 1960-е гг. стали свидетелями не только заключительного этапа деколонизации, но и фундаментального пересмотра роли Британии в мире. Лондон всерьёз задумался о своих отношениях с объе-

дияющей Европой, которые, однако, ещё долгое время были соподчинены его стремлению сохранить максимум от империи в рамках Содружества и «особым отношениям» с США.

Символичной стала речь Гарольда Макмиллана, произнесённая им в Кейптауне в 1960 г., который, ознаменовавшись провозглашением независимости 17 государств «чёрного континента», стал именоваться «годом Африки». Британский премьер, обратившись к образу «ветра перемен, пронёсшегося над континентом», признал факт укрепления национального самосознания в колониях и неизбежность процесса деколонизации, в том числе необходимость роспуска федерации Родезии и Ньясаленда. Британия расставалась со своей империей, хотя в Консервативной партии «твердолобые» крайне негативно реагировали на либеральные тенденции во внешней политике Макмиллана. Даже лейбористы отказывались от имперского наследия с большим трудом. Гарольд Вильсон, пришедший к власти в 1964 г., заявлял, что границы Британии «проходят по Гималаям», однако в 1967 г. на фоне экономических проблем и девальвации фунта стерлингов правительство объявило о выводе британских войск «к Востоку от Суэца». После этого Британии оставалось вести лишь «арьергардные бои» – вначале решать родезийскую проблему, а позже уходить из Гонконга.

В 1962 г. мир обошла фраза Дина Ачесона: «Британия утратила империю и не нашла новой роли в мире». Хотел того или нет советник Джона Кеннеди, но в этой формуле отразилась не только внешнеполитическая растерянность Лондона, но и надлом в британском самосознании, которое теряло свою целостность. Некогда монолитное ощущение принадлежности к метрополии уступало место не только дилеммам отношений в треугольнике «Британия – Европа – США», но и началу трансформации самого понятия британства, начавшего с небывалой силой дробиться на английскую, шотландскую, валлийскую и ирландскую составляющие.

Изменялись и другие стороны мировосприятия. Культурная парадигма, заданная Викторианской Англией, уступала место неприятию конформизма, новым представлениям об общественной морали, отношениях между полами, музыке, индивидуальности человека. С новой силой зазвучали те пассажи в книге Мэтью Арнолда «Культура и анархия», в которой автор ещё в позапрошлом веке критиковал англичан за излишний прагматизм и филистёрство, призывал их к более широкому, европейскому взгляду на вещи. В 1970-е гг. к этим изменениям в жизни страны добавились социально-экономические проблемы, Британию стали именовать «больным человеком Европы». До этого так называли Францию в годы послевоенной правительственной чехарды, а ещё раньше – Оттоманскую империю на закате её существования.

Однако все перипетии развития послевоенной Британии не стёрли из исторической памяти её жителей воспоминания о Пакс Британика. Это стало очевидным в 1982 г., когда грянула Фолклендская война. По сути, она была справедливой, спровоцированной нападением извне на британскую заморскую территорию. Однако отношение к ней политиков и простых людей, сопровождавшая её риторика, придаваемая ей знаковость, возвращение в обиход понятия джингоизма продемонстрировали нечто большее – стремление, в первую очередь англичан, вернуть стране уверенность в себе, показать миру, что Британия по-прежнему великая держава, что она больше, чем просто европейское государство.

И всё же обыденная жизнь с наглядностью демонстрировала, что Британия уже не только не могла, но и не желала, за исключением символических жестов и атрибутов, чувствовать себя наследницей империи, изменилось отношение британцев к окружающему их миру. В противовес постимперскому синдрому, время от времени дававшему о себе знать, появился комплекс «маленькой Англии», восприятие своей страны как крепости, ограждающей от внешних опасностей. Одним из признаков этого стало нарастание враждебности к иностранцам, особенно цветным, появление в стране националистических, шо-

винистских настроений.

Британия и бывшая империя

В 1968 г. Эдвард Хит вывел из состава «теневого кабинета» видного консервативного политика Инока Пауэлла за некорректные высказывания в адрес иммигрантов из бывших британских колоний. Выступая в Бирмингеме, Пауэлл сравнил Британию с Древним Римом, павшим под натиском варваров. «Словно римлянин, – патетически воскликнул он, – я представляю воды Тибра, бурлящие кровью». Характерно, что с самого начала политики правого толка, эксплуатируя проблему иммиграции, обращались в первую очередь к слоям малоквалифицированных рабочих и сельских жителей, подверженных популизму. Не случайно, что после отставки Пауэлла демонстрация в его поддержку была организована докерами.

Предсказания Пауэлла были опровергнуты историей: по расчёту демографов, именно Бирмингем, уступающий по населённости только Лондону и считающийся примером многокультурья в действии, станет первым городом в Великобритании, где к 2007 г. цветные жители, в первую очередь мусульмане, превысят по численности белых. Несмотря на крушение политической карьеры Пауэлла, «твёрдая позиция» по вопросам иммиграции стала одной из отличительных черт политики Консервативной партии. Хотя в целом представителям британского истеблишмента удавалось не переступать грань политической корректности, скандалы, связанные с расистскими высказываниями то одного, то другого политика случались не раз.

В 1979 г., в предвыборном манифесте Консервативной партии было очевидно стремление привлечь голоса антииммиграционного лобби. Обещалось ужесточить политику в отношении иммигрантов и этнических меньшинств. Иммиграционный контроль над приезжающими из государств Содружества был введён в 1962 г. и усилен в 1971 г. В результате принятия в 1981 и 1987 гг. законов об иммиграции нахождение в стране сверх

установленного срока стало уголовно наказуемым. Закон 1996 г. усложнил правила выплаты социальных пособий определённым категориям беженцев. К началу 1990-х гг. в Британии стали говорить о смерти идеалов Содружества, о том, что дискриминация по расовому и национальному признаку приняла в стране институциональный характер¹⁶.

Что касается другой части политической элиты – лейбористов, то они более благосклонно относились к выходцам из стран «третьего мира», главным образом бывших британских колоний, однако за этим стояли не столько паллиативы имперского мышления, сколько демократические идеалы и электоральные императивы. После выборов 1997 г. восемь парламентариев-лейбористов представляли интересы расовых и этнических меньшинств, которые на тот момент составляли около 7% населения. До 2001 г. в палату общин попали ещё два цветных депутата от Лейбористской партии (ЛПВ). В XX в. последняя пользовалась абсолютной поддержкой цветного избирателя, занимая либеральную позицию по вопросам иммиграции. За лейбористов голоса на выборах отдавали не менее 80% цветных жителей. Наибольшей поддержкой лейбористы пользовались у «чёрного» населения и у выходцев из Бангладеш и Индии.

Вплоть до конца 1980-х гг. этнические меньшинства не имели своих представителей в британском парламенте. На выборах 1987 г. от ЛПВ избираются четыре депутата с чёрным цветом кожи. На выборах 1997 г. от трёх ведущих партий было выставлено 42 кандидата от этнических меньшинств (13 – от лейбористов, 10 – от консерваторов и 19 от либерал-демократов), а на следующих всеобщих выборах – 66 (соответственно 22, 16 и 28). Несмотря на это, в 2001 г. количество цветных депутатов выросло до 12 человек исключительно за счёт фракции лейбористов. Доля представителей этнических меньшинств в депутатском корпусе не превышала 2%. Лишь двое депутатов представляли интересы мусульманской общины страны.

¹⁶ Colin Holmes. *A Tolerant Country? Immigrants, Refugees and Minorities in Britain*. London, Faber and Faber, 1991. PP. 9, 13.

Однако демографические и миграционные тенденции неизбежно приведут к тому, что политический вес выходцев из бывших британских колоний и протекторатов будет увеличиваться. Причём их позиции будут становиться всё более самостоятельными. Так, ужесточение подхода лейбористов к проблеме иммиграции после 1997 г., война в Ираке оттолкнули от правительства многих представителей этнических меньшинств, особенно мусульман. Электоральные неудачи правящей партии в 2004–2005 гг. на довыборах в значительной степени объясняются этим фактором.

Влияние имперского прошлого заметно не только на примере в целом политкорректной политики ведущих британских партий, но проявляется в деятельности современных ультраправых движений. После Второй мировой войны в их агитации на первый план вновь, как когда-то, вышла имперская тематика и идея «бремени белого человека». Однако если раньше эти настроения основывались на чувстве снисходительного превосходства над туземными народами, то с началом болезненного распада империи их сменили враждебность, неприязнь и агрессия.

Откровенную шовинистическую риторику использовали несколько политических движений. В 1967 г. в результате объединения Британской национальной партии, Лиги имперских лоялистов и Движения за великую Британию был образован Национальный фронт (НФ). Его визитной карточкой были популизм, националистическая фразеология и эксплуатация проблемы иммиграции. Лозунги НФ нашли отклик главным образом в среде городских неквалифицированных рабочих. Пик популярности НФ пришёлся на конец 1970-х гг., когда численность организации достигла 20 тыс. человек, а на местных выборах она получала в десять раз больше. В следующее десятилетие по популярности НФ ударила ура-патриотическая риторика Маргарет Тэтчер.

Тогда же о себе заявила Британская национальная партия (БНП), которая пользуется репутацией расистской организации. Питательной почвой для роста её популярности

было то враждебное отношение к иностранцам, особенно к людям с другим цветом кожи, которое подпитывало деятельность существовавших до неё аналогичных организаций. Разница заключалась в том, что если раньше проявление шовинизма и расизма было реакцией на проблемы, связанные с распадом Британской империи, то теперь оно порождалось новым испытанием для британского самосознания – процессами глобализации, которые в очередной раз в мировой истории привели в движение большие массы людей. Как и другие развитые страны, Британия, по мере увеличения количества цветных жителей, столкнулась с необходимостью создания общества культурного многообразия и терпимости. Однако на практике страна не всегда успевала адаптироваться к изменению состава населения, что не раз приводило к столкновениям на этнической почве.

БНП выступает за прекращение «провалившегося» мультиэтнического эксперимента, предстаёт защитницей коренных британцев от политики «культурного обезличивания», проводимой «новыми лейбористами». «Если нынешняя демографическая тенденция продолжится, – говорится на сайте организации в Интернете, – то мы, коренные британцы, через 60 лет превратимся в этническое меньшинство в собственной стране. ...мы призываем к незамедлительному прекращению всякой иммиграции и депортации незаконных иммигрантов, к введению системы добровольного переселения для законных иммигрантов... Мы запретим “позитивную дискриминацию”, которая превратила белых британцев в жителей второго сорта. Мы остановим поток “беженцев”, которые могут найти прибежище вблизи своих стран»¹⁷.

К 2004 г. присутствие БНП на политической сцене стало настолько заметным, что представители трёх ведущих партий были вынуждены провести серию консультаций для координации действий, направленных против ультраправых. Их опасения оправдались на прошедших в том году выборах в Европарламент и органы местного самоуправления. За

¹⁷ www.bnp.org.uk/policies/html.

организацию, которую обвиняли в неонацизме и расизме, проголосовало более 800 тыс. британцев. Если на парламентских выборах 1997 г. за БНП голоса отдали около 50 тыс. человек, то в 2005 г. – свыше 200 тыс.

Популярности организаций, подобных БНП, способствовали беспорядки на расовой почве, происходившие в стране в последние десятилетия. В последний раз межэтнические столкновения, нередко провоцируемые ультраправыми, прокатились по городам северо-западной Англии в 2001 г. В Лидсе причиной беспорядков послужил арест бангладешца, при котором полиция, по словам очевидцев, применила чрезмерную грубость. В столкновениях азиатской молодёжи со стражами порядка не обошлось без баррикад из горящих автопокрышек и «коктейля Молотова».

За главными лозунгами ультраправых – запрет иммиграции и защита этнической чистоты коренных британцев – следовало враждебное отношение к Европейскому союзу. В этом БНП и близкие им движения смыкались с партиями антиевропейской направленности.

Британия между Европой и США

Со времени Венского конгресса 1815 г. и до складывания ялтинско-потсдамской системы международных отношений Британия была империей глобального охвата. Она была слишком большой и озабоченной глобальными проблемами, чтобы втиснуться в рамки одной Европы. Крушение империи, превращение США после Второй мировой войны в ведущую силу западного мира заставили британцев спуститься на европейский уровень и заняться поиском новой для себя роли державы средней величины с трансрегиональными амбициями. В 1950–60-е гг. в Британии доминировала точка зрения, что чтобы компенсировать потерю империи и влияния, ей необходимо стать «особым партнёром» заокеанского соседа. В годы «холодной войны», которая объединяла США и Европу в противостоянии общему противнику, отношения Британии с ними были не альтернатив-

ными, а взаимодополняющими.

Однако окончание «холодной войны» подтолкнуло страны ЕС к самоутверждению в качестве самостоятельного игрока на мировой арене. Со времени прихода к власти в США Рональда Рейгана, который положил конец американскому либеральному проекту так же решительно, как Маргарет Тэтчер уничтожила политический консенсус в Великобритании, европейская и американская модели развития всё больше отдалялись друг от друга. Европейское современное мировоззрение основано на философских и социологических коммунитарных традициях Хабермаса, Дюркгейма, Тоуни, Роулса и Кейнса, и имеет мало общего с индивидуалистическими традициями американского консерватизма, опирающимися на идеи Нозика, Штраусса, Кристолла, Мойнихэна и Фридмана. После окончания эпохи тэтчеризма Британия вновь задалась вопросом – может ли она быть одновременно европейской и англосаксонской страной.

В начале XXI в., особенно после войны в Ираке, значительная часть интеллектуальной и деловой элиты Британии остро ощущает шаткость положения страны, одной ногой стоящей в США, а другой – в Европе. Европеизации Британии сопротивляются в основном правые круги политической элиты и часть военного истеблишмента. Несмотря на то что процесс европейской интеграции заторможен провалом ратификации евроконституции, приближается время выбора. Британии долго удавалось балансировать на внутрицивилизационном надломе, однако когда он становится всё больше похож на разлом, необходимо определяться. Большинство британских политиков считает «особые отношения» с США исчерпавшим себя проектом.

Проблема состоит в том, что англичане, составляющие 80% населения страны, относятся к Европе настороженно. Это сказывается на нерешительности в действиях лейбористов, подпитывает антиевропейские настроения в Консервативной партии, приводит к возникновению популистских движений. В возникновении спроса на последние с особой

наглядностью проявились две взаимоисключающие тенденции, «перетягивающие канат» английской идентификации. С одной стороны, англичане ещё генетически не смирились с тем, что Британия, пусть и крупная, но лишь одна из ведущих стран Европы. С другой, – они уже подвержены синдрому «маленькой Англии».

В 1993 г. под лозунгом выхода Британии из Европейского Союза основывается Партия независимости Соединённого Королевства (ЮКИП)¹⁸. Она действует в относительно новом для британской политики измерении – антиевропейском. Главный источник опасности для Британии сторонники ЮКИП усматривают в евробюрократии, подтачивающей суверенитет страны. Характерные лозунги ЮКИП: «Кто правит Британией?», «Вернём британцам родину!», «Восстановим контроль над нашими границами!».

ЮКИП с готовностью эксплуатировала ксенофобию, исторические обиды и уничижительные национальные стереотипы, а демагогию использовала в качестве главного оружия агитации. Партия выступает за сохранение фунта стерлингов в качестве национальной валюты, против присоединения к Европейской конституции, за ужесточение контроля над иммиграцией. Она представляет собой политическое воплощение агрессивной и популистской стороны английского национализма, сторонники которого страдают синдромом «маленькой Англии». Деятельность ЮКИП показала, что подспудное неприятие иностранцев – явление достаточно массовое в Британии. Согласно опросу, проведённому МОРИ в марте 2001 г., 71% респондентов поддерживали идею проведения референдума о выходе Британии из состава ЕС и 52% проголосовали бы за такой шаг.

Ведущими лицами ЮКИП, что свойственно и другим британским популистским движениям, включая БНП, являются не маргиналы, а представители истеблишмента. С 2002 г. партией руководит Роджер Кнапман. Характерно, что до этого длительное время он был членом Консервативной партии, которую представлял в парламенте в 1987–97 гг.

¹⁸ От англ. аббревиатуры UKIP – United Kingdom Independence Party.

Более того, он занимал высокие министерские и партийные посты, дослужился до должности правительственного «кнута». Однако наиболее известный современный персонаж ЮКИП – Роберт Килрой-Силк, который в отличие от большинства видных евроскептиков вышел из рядов Лейбористской партии. За его плечами диплом Лондонской школы экономики, преподавательская работа в университете, многолетняя деятельность в парламентской фракции ЛПВ, а затем успешная карьера телеведущего.

Килрой-Силк умело трансформировал свою известность в политический капитал, основанный на эксплуатации глубинных страхов обывателя. Газеты окрестили его британским Берлускони, претендующим на роль защитника «простого человека» от «продажных политиков», «брюссельских бюрократов» и «незванных иностранцев». За Килрой-Силком стояли такие фигуры, как медийный магнат Ричард Десмонд – владелец «Экспресс Групп», включающей газеты «Экспресс», «Сандэй Экспресс» и «Стар». Однако такие люди, как Десмонд, несмотря на своё богатство и закулисное влияние, – не публичные политики, они мало узнаваемы и предоставляют другим возможность озвучивать свои мысли.

На электоральном поле ЮКИП граничит не только с консерваторами, но и с правыми экстремистами. Её популярность стала следствием не столько политической конъюнктуры, сколько проявлением глубинной проблемы идентификации английской нации в условиях деволуции – постепенной федерализации государственного устройства страны – и европейской интеграции, которые совпали с общим недовольством населения политическим истеблишментом, непоследовательным европеизмом лейбористов и продолжающимся кризисом Консервативной партии.

Британия наедине с собой

Помимо «трёх кругов», о которых в своё время говорил У. Черчилль, у Британии имелось и четвёртое, внутреннее измерение. Им была сфера первоначальной экспансии

Англии, вовлекшей в свою орбиту Ирландию, Уэльс и Шотландию. Сплав этих составляющих и стал ядром британства. Только недавно в Британии вспомнили о том, что цикл легенд об Артуре и рыцарях Круглого стола – кельтский эпос, что в то время как Ланселот и Гвиневьера – персонажи древних англосаксонских сказаний, Тристан и Изольда – опять же герои кельтского фольклора.

В то время как регионы «кельтской периферии» обладали широкой автономией, Англия была государствообразующей нацией. Долгое время доминирующее положение Англии в государственном устройстве и управлении выражалось в том, что её название было синонимом названия всей страны. Английский национализм был не этническим и разъединяющим, а гражданским, интегрирующим. Британская империя была ничем иным как олицетворением английского видения международного устройства и английского мессианизма. Распад империи привёл к фундаментальному сдвигу в британском самосознании. В британских регионах активизировались национальные движения, всё большее число граждан воспринимали себя не британцами, а шотландцами, валлийцами и ирландцами. По опросам общественного мнения даже в Англии лишь треть населения воспринимает себя в первую очередь британцами.

По мере деформации конституционного устройства страны проблема самоидентификации углублялась, возникла перспектива превращения Великобритании в многонациональное государство¹⁹. Факторы, долгое время объединявшие жителей страны – протестантизм, превосходство британских институтов власти, монархия, империя, – переставали работать. Известный британский мыслитель Дэвид Маркуэнд назвал идею «британства» в её традиционном виде анахронизмом²⁰.

Если раньше доминировала точка зрения о Великобритании как об однородном государстве, то в последние десятилетия англоцентрическая версия британской истории

¹⁹ B. Taylor, K. Thomson. (eds). *Scotland and Wales: Nations Again?* Cardiff: University of Wales Press, 1999.

²⁰ David Marquand. *After Whig imperialism: can there be a new British identity?* // *New Community*, Vol. 21 (2), 1995. pp. 183-193.

подверглась критике. Британская история предстала тесным переплетением историй Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса²¹. При внимательном рассмотрении сама Англия уже не кажется столь единообразной.

Фрагментация британского самосознания ускорилась в результате деволюции – реформ «новых лейбористов» по расширению региональной автономии. Ряд британских интеллектуалов сделал вывод о том, что центробежные процессы неизбежно приведут к дезинтеграции страны²². Так, Том Нэйрн утверждает, что лейбористы глубоко заблуждаются, полагая, что деволюция остановит рост национализма²³. Только отделившись друг от друга, Англия и Шотландия обретут жизнеспособную постимперскую идентификацию. Другие, признавая факт подспудной федерализации государства, не усматривают в этом опасности для её территориальной целостности. «Миф о “единой и неразделимой” британской нации показывает, как Британия воспринимала себя в прошлом, – пишет специалист по Шотландии Джеймс Митчелл. – Новый миф об особости Шотландии искажает реальность не меньше»²⁴.

В справочнике «Британская цивилизация» термин «британство» определяется следующим образом: «Проблематичная и спорная идея об идентичности, которая охватывает все народы, проживающие в Соединённом Королевстве. Исторически этот термин ассоциировался с такими институтами, как парламент, система права и монархия, протестантизм и Британская империя. Однако такое понимание британства всё меньше отражает реальность, в то время как самостоятельные национальные идентификации Англии и особенно Уэльса и Шотландии набирают силу»²⁵. Характерно, что с 2001 г. ежегодник госу-

²¹ Norman Davies. *The Isles: A History*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

²² Andrew Marr. *The Day Britain Died*. London: Profile Books, 2000; Tom Nairn. *After Britain*. London: Granta Books, 2000; John Redwood. *The Death of Britain? The United Kingdom's Constitutional Crisis*. London: Macmillan, 1999; Tam Dalyell. *Devolution: The End of Britain*. In: Keith Sutherland (ed.). *The Rape of the Constitution*. London: Imprint Academic, 2000.

²³ Tom Nairn. *After Britain*. London: Granta Books, 2000.

²⁴ James Mitchell. *Politics in Scotland*. In: Patrick Dunleavy, Andrew Gamble, Richard Heffernan, Gillian Peele (eds). *Developments in British Politics*. 7th edition, Palgrave Macmillan, 2003. P. 161.

²⁵ John Oakland. *British Civilization. A Student's Dictionary*. 2nd edition. London and New York: Routledge, 2003.

дарственного бюро национальной статистики в своём названии заменил термин «Британия» на «Соединённое Королевство».

Нынешнее лейбористское правительство убеждено в необходимости сохранить единство Великобритании путём дальнейшей модернизации её конституционного устройства, развития идеи культурного многообразия. Аргументами в пользу единства считаются английский язык и общая история, важность объединения усилий для решения политических и экономических проблем, необходимость противостояния поднимающему голову этническому национализму. Немало и тех, кто путь к сохранению целостности страны видит в установлении республиканской формы правления взамен монархии, переставшей служить символом единства нации.

Процесс обособления различных частей страны вряд ли обратим, однако в этом не обязательно видеть трагедию. Англия достаточно либеральная страна, чтобы избежать местечкового национализма. Возможно, что единство страны в долгосрочной перспективе будет сохранено благодаря развитию федерализма. Однако в этом таится и опасность. Движение от крупных и гетерогенных политических и культурных образований к более мелким и однородным может усилить опасность идентификации на основе этнических и религиозных принципов. Кроме того, для этнических меньшинств институт британского подданства приемлемее английского, уэльского или шотландского. Это тем более важно, что подавляющая часть представителей этнических меньшинств, насчитывающих около пяти миллионов и проживающих преимущественно в Англии, предпочитают называть себя британцами, а не англичанами.

* * *

Распад империи настолько травмировал национальное сознание британцев, что породил глубокий кризис британской идентичности. Во-первых, он выразился в сфере от-

ношений Британии с внешним миром – в ностальгии по былому величию, в нежелании поступиться своим суверенитетом, в двойственном отношении Британии к европейской интеграции; во-вторых, в сфере отношений между народами, населяющими бывшую метрополию – в упрочении субнациональных идентификаций, в появлении феномена английского национализма; в-третьих, в той сфере, в которой сталкиваются внешний и внутренний мир Британии – в проблеме многокультурья, адаптации страны к изменению её демографического и этнического состава.

В свете трагических событий в Лондоне в июле 2005 г., организаторами которых были не иностранцы, а натурализованные и даже выросшие в Британии мусульмане, с новой силой встал вопрос о том, что такое британская нация, как соотносятся интеграция и ассимиляция, жизнеспособна ли концепция многокультурья. В Британии неожиданно появились свои лица «кавказской национальности» – мусульмане. Совсем недавно, в 2002 г., девять из десяти жителей страны считали, что быть британцем и быть белым – не одно и то же, четверо из пяти – что необходимо уважать права этнических меньшинств. Значительное большинство считало, что ситуация в сфере расовых и межнациональных отношений благоприятная.

Как теперь изменятся общественные настроения? Как реанимировать британство, прежде всего чувства сопричастности и доверия, если подозрительность в обществе на подъёме, а за жизнью британцев на улице, в общественном транспорте, в магазинах и банках, аэропортах и вокзалах наблюдают более четырёх миллионов камер слежения? Верится в то, что Британия не поддастся культурному автаркизму и ксенофобии, что она по-прежнему останется страной многообразия, диалога культур и стилей жизни.

ГЛАВА IV

БРИТАНЦЫ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Стили и методы научного мышления в России и Великобритании существенно разнятся. Прогностическая функция науки понятна и ценима российским учёным, в большинстве случаев она – неотъемлемая часть его раздумий о предмете своего исследования. Для его английского коллеги это не характерно. Причина скептического отношения к построению идеальных схем, сценариев и моделей заключается в тех самых «корнях дуба», о которых так талантливо писал советский журналист Всеволод Овчинников, в «корнях», которые придают основательность и цельность британской истории, накрепко привязывают британца к своей почве. Англичане неохотно рассуждают о своём будущем и ещё менее склонны заглядывать в будущее других. И всё же временами они это делают, особенно если это будущее может повлиять на ход их собственной жизни.

Англичане всегда пристально следили за событиями в России. В истории она побывала и их главным противником, и союзником. Россия, возникшая после 1991 г., развивалась хаотично, непредсказуемо, и, долгое время, пребывая в раздоре, привлекала внимание постольку, поскольку даже в усечённом виде продолжала занимать впечатляющий кусок мирового пространства. В начале XXI в. многое изменилось. Среди британских политиков и учёных интерес к России растёт по мере её возвращения в лоно великих держав. Становится важной не только серьёзная переоценка её недавнего прошлого и настоящего, но всё более востребованы прогнозы о её будущем. Причины этого – в постепенном восстановлении Россией своих сил и в то же время в переходном характере развития её политических, экономических, социальных институтов. Многие не ясно не только для британцев, но и для самих россиян, однако мнение извне ценно, ведь, как говорится, со стороны виднее.

Рассуждая о будущем России, английские политологи, что вполне показательно, отталкиваются от её прошлого. Многие отмечают, что Россия никогда не была такой от-

крытой страной со времён Октябрьской революции 1917 г. «Россия сегодня намного более открытое государство, чем в советское время, и её лидеры признают, что страна не может вернуться к изоляции и автаркии», – пишет Томас Ремингтон²⁶. Однако в отличие от 90-х гг., когда на Западе (да и у нас) многие пытались писать историю постсоветской России с чистого листа, сегодня мало кто игнорирует преемственность в её развитии. Всё большее признание получает способность непредвзято разобраться в хитросплетениях российской истории. Брайан Мэй считает, что понимание сложностей советской системы (и перенесение этого непонимания в настоящее) затрудняется использованием термина «тоталитарный». В России, считает он, никогда не было правителя или руководящей группы, которые не опирались бы на значительную часть элит. Как концептуальная категория этот термин бессмысленный, и данная когнитивная схема только мешала исследователям оценивать российскую историю в реалистическом свете²⁷.

Английские специалисты по сравнению со своими континентальными коллегами редко задаются вопросами об особости России, о степени её европейскости, ведь в самой Британии до сих пор отношение к «Европе» далеко не однозначное. Вместо этого они используют терминологию модернизации. «Мёртвая рука прошлого чувствуется до сих пор, – с нигилистских позиций пишет о советской истории Стивен Родфилд, между прочим, член РАЕН. – Россия модернизирует себя, используя западный опыт, но не вестернизируется»²⁸. Это наблюдение характерно для западного автора: признаётся прогресс России на пути превращения в современное государство, но, несмотря на исчезновение идеологических барьеров времён биполярного мира, «своей» её по-прежнему не считают, «Запад» и «Россия» вновь разводятся в разные стороны.

Брайан Мэй, напротив, утверждает, что попытки вестернизировать Россию контрпродуктивны, а «европейский» и «западный» – не одно и то же. Россия, по его словам, не-

²⁶ Thomas F. Remington. *Politics in Russia*. 4th Edition. Pearson, Longman. 2006. P. 263.

²⁷ Brian May. *Understanding Russia*. Athena Press, London, 2006. P. 518.

²⁸ Steven Rodefilde. *Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower*. Cambridge University Press, 2005. P. 2.

смотря на весь свой технологический потенциал, никогда не была больше чем страной развивающегося мира, зависимой от экспорта сырья и иностранного капитала. Если навязывать ей западный образ жизни, то «несовместимость с чужой культурой и зависть к её материальному прогрессу может усилить антизападные настроения и спровоцировать культурную революцию наподобие той, что произошла в Иране»²⁹.

В этих рассуждениях есть доля истины, потому что нет принципиального противоречия между желанием просвещённой части отечественных элит восстановить культурные традиции России и в то же время способствовать тому, чтобы она закрепила за собой достойное место в европейской цивилизации. Подобные желания кажутся несовместимыми лишь для тех, кому эта цивилизация представляется чем-то однородным и не терпящим разнообразия, кто пытается втиснуть все европейские страны в прокрустово ложе некоей единой системы ценностей и, более того, отождествить всё европейское с западным. Россия добьётся устойчивого социального прогресса только на базе собственной культуры и по-своему понимаемой европейскости, каким бы сложным ни был процесс совмещения особенностей её мировоззрения с мировоззрением других европейских стран или Евросоюза. России не надо приносить в жертву свою идентичность в погоне за западным уровнем материального благополучия, потому что эта идентичность – не обуза, а залог успеха, если правильно ею распорядиться.

Широкое признание среди британцев получают успехи, сопутствующие развитию России в последние годы. Увеличивается её конкурентоспособность на ряде глобальных рынков, особенно на энергетическом и военном. Боеготовность её вооружённых сил оценивается по-прежнему невысоко, но многие не отрицают положительные сдвиги в этой сфере. Среди британских специалистов мало кто склонен переоценивать российскую геополитическую мощь, но также мало кто сомневается, что шансы России вернуть себе не

²⁹ Brian May, *op. cit.* P. 523.

декларативный, а реальный статус великой державы, возрастают. Родфилд так характеризует это состояние: «Слово “сверхдержава” ещё табу, но по мере возвращения величия страны подспудный спрос на него становится явным»³⁰. По мнению Мэя, «броска вперёд» исключать нельзя, когда речь идёт о нации, которая глубоко трансформировалась всего за столетие после избавления от крепостничества³¹.

Качественное наполнение великодержавности России – дискуссионная тема среди британских политологов. Так, Ремингтон считает, что распад СССР принёс России не только беды, но и открыл новые возможности (в русском языке здесь напрашивается поговорка «нет худа без добра», в английском – «у каждого облака есть своя солнечная полоса»). Новые вызовы и расколы, считает он, появившиеся в мировой политике после 1991 г., предоставили России возможность обрести влияние, которое не основывалось бы исключительно на ядерном арсенале, доставшемся ей в наследство от Советского Союза³². Эдвин Бейкон и Мэфью Уимен придерживаются иного мнения. С военной точки зрения, утверждают они, российская армия в начале XXI в. находится в плохом состоянии. В то же время основой статуса великой державы является ядерное оружие, а решение о разработке нового поколения ракет с ядерными боеголовками говорит о том, что такое оружие по-прежнему рассматривается как чрезвычайно важное³³.

Трудно спорить с британцами по поводу того, что статус великодержавности даже нынешней, окрепшей Россия ещё непрочен. Ядерное оружие, постоянное место в Совете Безопасности ООН – наследие СССР, природные богатства – милость природы, но и то, и другое – как наследство: попадёт в руки рачительного человека – будет приумножено, в руки расточительного – уйдёт в песок. Но тревога на Западе, включая Великобританию, вызванная усилением российского военного потенциала, необоснованна, и только в вос-

³⁰ Steven Rodefilde, *op. cit.* P. 2.

³¹ Brian May, *op. cit.* P. 527.

³² Thomas F. Remington. *Op. cit.* P. 274.

³³ Edwin Bacon, Matthew Wyman. *Contemporary Russia*. Palgrave Macmillan, 2006. P. 168.

палённом сознании некоторых западных журналистов и политиков Россия предстаёт чуть ли не инициатором новой гонки вооружений и новой холодной войны. За очевидностью превратности этого тезиса не стоит на нём и останавливаться. Заметим только, что ядерное оружие, действительно, остаётся на обозримую перспективу становым хребтом российского оборонного щита, как и других стран ядерного клуба. Однако для любого непредвзятого наблюдателя очевидно, что шаги России по модернизации своего ядерного арсенала предпринимались в последние годы в ответ на внешние вызовы, включая изменения в военных доктринах других стран.

Если в британских СМИ точка зрения о неоимперской природе российского государства получила довольно широкое распространение, то в академических кругах она имеет мало сторонников, по крайней мере, она не ведущая. «Факт остаётся фактом, – пишут о внешней политике современной Россией Бейкон и Уимен, – ни разу [с 1991 г.] РФ не пыталась воссоздавать империю на постсоветском пространстве. Укреплять влияние не значит проводить экспансионистскую политику»³⁴. Действительно, доказательством этого, по их мнению, служит множество аргументов, но три из них лежат на поверхности. Во-первых, Россия последовательно признавала границы на постсоветском пространстве. Во-вторых, экономическая цена экспансии слишком высока. Даже столь популярный по обе стороны границы проект общесоюзного государства между Беларусью и Россией давно буксует из-за потенциальной дороговизны поддержки белорусской экономики. Где вы видели империю, которая жалела средства на своё расширение? В-третьих, чеченские войны последнего десятилетия показали, что даже если бы Россия и захотела военной экспансии, состояние её вооружённых сил не позволило бы перевести эти устремления в практическую плоскость.

«Имперский след» британские исследователи часто усматривают в истории СССР,

³⁴ Edwin Bacon, Matthew Wyman. *Op. cit.* P. 166.

но за нынешней Россией, считает большинство из них, такой «грех» не водится. Конечно, вопрос об имперской природе Советского Союза не менее спорен, чем вопрос об имперской природе России, но, по крайней мере, в отношении России XXI в. британские эксперты в целом демонстрируют здравомыслие. Впрочем, не так уж это и сложно. Нелепо ставить знак равенства между стремлением государства усилить своё влияние на прилегающем пространстве и имперскими амбициями.

Несмотря на осторожный оптимизм, который в последние годы высказывают в отношении развития России британские русологи, почти все говорят о проблемах и опасностях, подстерегающих нашу страну в обозримом будущем. При огромных запасах полезных ископаемых и высоком интеллектуальном потенциале России высока вероятность того, что она вернёт себе полноценный статус великой державы. Однако на этом пути её подстерегают серьёзные препятствия, среди которых обычно называют коррупцию, неэффективность системы управления и особенно – низкую результативность существующих экономических механизмов. На их базе, конечно, можно возродить военно-промышленный комплекс, но в результате государство превратится, скорее, в колосса на глиняных ногах, чем в современную державу. Военная мощь будет соседствовать со спартанским уровнем потребления большинства членов общества, кроме узкого круга привилегированных, прильнувших к власти.

В британском анализе перспектив развития России экономика чаще всего фигурирует как главный камень преткновения. Но акценты расставляются по-разному. Одни считают, что сегодня россияне в первую очередь нуждаются в экономическом развитии, а с ним придёт и зрелость политических институтов. Попытаться насадить в России либеральную демократию, говорят они, значит ставить телегу впереди лошади, нельзя отменить законы исторической эволюции³⁵. Другие усматривают опасность в чрезмерной зависимо-

³⁵ Brian May, *op. cit.* P. 519.

сти от экспорта природных ресурсов и от мировых цен на сырьё. Концентрация внимания на полезных ископаемых вредит развитию передовых сфер экономики, технологий и инфраструктуры. Государственный контроль над ключевыми сырьевыми отраслями ведёт к неэффективности, политизации решений, усиливаются опасения иностранных инвесторов в отношении перспектив бизнеса в России³⁶. Третьи, считая маловероятным возвращение России ко временам плановой экономики, обеспокоены, что усиление государственного контроля над рынком лишит страну всякого шанса на стабильный и долговременный рост³⁷.

В сущности, здравый смысл есть во всех перечисленных точках зрения. Пойдя по пути форсированных политических реформ в годы перестройки, Советский Союз быстро лишился управляемости, в то время как экономические реформы требовали стабильного политического климата и сильного государства. Китай избрал противоположный путь развития и весьма преуспел на пути модернизации. Безусловно, есть тесная связь между экономикой и политикой, однако эта связь не обязательно должна быть прямой и синхронной. В определённые моменты истории центральная роль государства в политическом процессе, его жизнеспособность важнее, чем конкретные политические и экономические концепции. Демократическая система не может существовать без рыночной экономики и верховенства закона, а их утверждение невозможно в отсутствие компетентной системы государственного управления.

«Сырьевое проклятье» – не менее коварная опасность. Такие страны, как Норвегия или Великобритания, успешно распорядились своими недрами для перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, но многие другие экспортёры сырья восприняли богатства своих недр как индульгенцию, освобождающую их от необходимости в часто болезненном экономическом и социальном реформировании. Популярная с недав-

³⁶ Edwin Bacon, Matthew Wyman. *Op. cit.* P. 174.

³⁷ Thomas F. Remington, *op. cit.* P. 220.

них пор в России концепция «энергетической сверхдержавы» не будет ничего стоить, если её будут подпирать лишь трубопроводы, гонящие в разные концы света нефть и газ.

Наконец, мало кто спорит, что к 2000 г. российское государство пребывало в плачевном состоянии, и требовалось в авральном порядке восстанавливать функции государства по всем направлениям. Однако сегодня многие считают, что период «консервативной консолидации» завершился, и дальнейшая централизация власти становится опасной самоцелью.

Слабые стороны и недостатки политической системы России и развивающиеся в ней тенденции привлекают пристальное внимание британских исследователей. В последнее время критика нашей страны здесь усилилась на порядок, а Британия находится среди стран, настроенных весьма скептически в вопросе об оценке политических реформ в России. Конечно, большую роль в этом играет ухудшение отношений между нашими странами, когда продуктивная критика в адрес друг друга тонет в хоре взаимных обвинений и упрёков. Однако ко многим советам и предостережениям стоит прислушаться. Не только британских специалистов, но и любого отечественного политолога, должно обеспокоить состояние российской партийно-политической системы.

У российского государства до сих пор узкая политическая база, а политическая система остаётся слаборазвитой и лишь формально институционализированной, во многом лишённой как мобилизующих способностей советского государства, так и эффективности и легитимности демократической системы. Государство, обрётшее демократический фасад, всё ещё находится в «подростковой» стадии развития и подспудная уязвимость политической системы сохраняется. Способность Путина лавировать между олигархами в значительной степени зависит от доходов государства от нефти и газа. Снижение цен на сырьё может изменить баланс сил между государством и финансовой олигархией в пользу последней. Но и высокие цены на энергоресурсы – обоюдоострый меч для государства.

Являясь временным амортизатором политического режима, они в то же время придают ему обманчивое ощущение долговременной стабильности, что в свою очередь тормозит развитие правового режима. Последнее же – суть предпосылка устойчивого экономического развития.

Трудно не согласиться с Томасом Ремингтоном, что на сегодняшний день в России сложилась ситуация, когда сверхсильный институт президентства препятствует развитию здоровой партийной конкуренции³⁸. Причиной тому служит и конституционное устройство страны, и сложившаяся политическая практика. В условиях, когда президент назначает правительство по собственному усмотрению, стремление к электоральному успеху теряет свой основной смысл. У политиков фактически отсутствуют стимулы тратить силы на создание партийных структур. В результате российские партии за редким исключением слабо исполняют функцию агрегирования интересов граждан и формирования политических альтернатив, а политики относятся к партиям, как к инструментам одноразового использования по завоеванию власти. Избиратели, в свою очередь, не имеют достаточной возможности формировать устойчивые политические предпочтения и привязанности.

Для обретения российской политической системой большего равновесия, будущим российским президентам придётся отказаться от идеи «опекунства» над политическими силами, находящимися как в парламенте, так и вне него. Игрушечная оппозиция и послушные «партии президента», организация потешных политических «развязок» и комбинаций с помощью «административного ресурса», казалось бы, создают ощущение контролируемости и стабильности на политическом пространстве. Однако в конечном счёте сведение на нет политической конкуренции ведёт к сверхцентрализации механизмов государственного управления, к выхолащиванию процедур отчётности политиков перед обществом, к отчуждению власти от народа. Это в российской истории уже случалось не раз, и

³⁸ Thomas F. Remington, *op. cit.* P. 185-186.

ничем хорошим не заканчивалось.

По мнению британских политологов, российская политическая система только выиграла бы, если бы президент учитывал фактор баланса политических сил (не искусственно созданного, а реально складывающегося) в парламенте при назначении состава правительства. В этом случае асимметрия во властных полномочиях президента и парламента уменьшилась бы, а роль партий возросла. Если же сегодняшняя ситуация не изменится, партийная конкуренция останется на номинальном уровне. Пока же принятые в последние годы законы предоставляют избранным политическим силам, получившим одобрение сверху, монополию на парламентское представительство, а изменения в избирательном праве направлены на то, чтобы усилить позиции тех, кто уже доминирует на партийно-политическом пространстве.

Так как институт российского президентства играет ключевую роль в политической системе России, британские русологи внимательно следят за ним. Политическая власть в России сильно персонифицирована, поэтому вполне естественно, что вновь и вновь анализируется «фактор Путина». Надо сказать, что в отличие от пишущей братии с Флит-стрит серьёзные исследователи почти единодушно признают значительный прогресс по ряду направлений, который добилась Россия после смены верховной власти в 2000 г. Так, Томас Ремингтон признаёт, что как бы остро Россия не переживала потерю статуса сверхдержавы, её руководство не заинтересовано в провоцировании конфликта с США или другими державами. В Москве, пишет он, мало несогласных с тем, что единственный способ вернуть России влияние и благополучие заключается в экономической и политической интеграции в глобальной рыночной экономике³⁹.

Эдвин Бейкон и Мэфью Уимен подчёркивают, что внешняя политика российского президента намного меньше подвержена эмоциям по сравнению с периодом правления

³⁹ Thomas F. Remington, *op. cit.* P. 263-264.

Ельцина. Путин «реалист до мозга костей» в том смысле, что национальные интересы для него стоят на первом месте, а значит попусту растрчивать ресурсы страны на неосуществимые проекты неприемлемо. Российское руководство понимает, что львиная доля экономической активности государства на внешних рынках связана с другими европейскими странами, также как что нет альтернативы нормальным рабочим отношениям с США. Кому-то это может не нравиться, но такова объективная необходимость. В Британии отмечают, что Путин, признав доминирование США в качестве единственной сверхдержавы, в то же время не отказался от концепции многополярности. Он выступает за интеграцию России в мировое сообщество, но против представления о России как о рядовой стране. Она видится ему «региональным лидером глобального значения». Цель Путина, по мнению британских учёных, в том, чтобы сохранить то, что у неё осталось от статуса великой державы и использовать это как фундамент для наращивания сил⁴⁰.

Не только в России, но и в Великобритании высказывается точка зрения о том, что фигура Путина знаковая и вместе с тем одинокая, он представляется неким реформатором, который имеет дело с инертной народной массой и саботажем бюрократии и больших денежных мешков. Титаническая задача по возрождению российской экономики, пишет Брайан Мэй, требует огромного общественного потенциала и эффективной государственной службы. Однако пока оба условия отсутствуют, «...люди перестали во что бы то верить; чиновники погрязли во взяточничестве, которое они воспринимают как оправданную надбавку к зарплате. Главный вызов Путина – вдохновить массы на проведение радикальной программы реконструкции... пока же он плывёт против течения культурных шаблонов...»⁴¹. Что касается российского крупного бизнеса, то при Путине, считает Мэй, он стал вести себя более цивилизованно. Но олигархи не преминут взяться за старое, явись такая возможность, хотя в России просматриваются признаки этической трансфор-

⁴⁰ Edwin Bacon, Matthew Wyman, *op. cit.* P. 167-168.

⁴¹ Brian May, *op. cit.* P. 518.

мации в деловой среде. Многие западные бизнесмены по своей сути не более добропорядочные, чем их российские коллеги, но всё же большинство из них согласно с тем, что честный бизнес выгоден.

Стивен Родфилд также отмечает, что будущее России зависит от прозорливости и решимости главы государства. Он призывает Путина и его преемников пойти дальше декларативных заявлений и номинальных реформ, «дать отпор силам авторитаризма и привилегированного класса и тем самым позволить вестернизации работать». Имитация же реформ только способствуют консолидации олигархов. Родфилд также поднимает тему отношений между Путиным и народом. Он должен «объяснить населению, что надо делать и почему, но быть готовым к непониманию». Россияне могут легко научиться новому, но в силу специфики национальной психологии они редко задумываются об интересах своей страны, когда принимают решения, касающиеся их лично⁴². Надо заметить, что в случае реализации призывов Запада к усилению механизмов подотчётности в политической системе России и надежд на то, что диалог президента с народом через голову чиновничества принесёт исключительно здоровые плоды, последствия могут быть неоднозначными. Один из парадоксов заключается в том, что будь решения президента больше подвержены настроениям российских элит и населения в целом, внешняя политика России в последние годы была бы более антизападной.

Тема распределения ролей в отношениях между Россией и Западом в работах британских исследователей редко предстаёт в выигрышном для нашей страны свете. Мэй, пожалуй, единственный, кто не утверждает, что в связке «Россия – Запад» первая – ведомый, а второй – ведущий. Западная демократия, считает он, не образец для России, она имеет массу недостатков, некоторые из которых только углубляются. Шансов у России справиться с вызовами времени не меньше, чем у США или Западной Европы: в пользу

⁴² Steven Rodefilde, *op. cit.* P. 3.

этого говорит её исторический опыт выживания. «Что сегодня Запад может предложить России, – задаёт Мэй риторический вопрос, – сыграв неприглядную роль в недавней истории её несчастий?» Очень немного. Споры о государственной и частной собственности в России уже не актуальны: Россия худо-бедно, но встала на рельсы рыночной экономики. Теперь, по логике вещей, приоритетным становится вопрос распределения национального богатства. Однако в России, пишет Мэй, где национальное богатство лишь создаётся, пока бессмысленно спорить о том, как его распределять⁴³. Английский учёный считает, что, решая задачи своего развития, Россия должна руководствоваться своим разумением, а не полагаться на чужие советы.

Рассуждения автора, увидевшие свет в 2006 г., показательны с точки зрения того, как стремительно меняется ситуация в России. Совсем недавно действительно распределять было особенно нечего – в «закромах родины» гулял ветер. Теперь же, когда цены на энергоресурсы зашкаливают, вопрос о распределении национального богатства встаёт в полный рост, а правительство с подачи президента начинает, наконец, выработать внятную политику по поводу того, как не омертвить и не растратить, а пустить во благо общества супердоходы от продажи сырья. Ещё несколько лет назад некоторые западные специалисты не просто сомневались в способности России быстро избавиться от кризисного наследия 90-х гг., но не исключали развала России. Всерьёз рассуждали о том, что если «случится худшее», будет необходимо взять под контроль «мирового сообщества» российский арсенал оружия массового поражения.

Но уже отмечалось, большинство британских русологов настороженно относятся к внутривнутриполитической ситуации в нашей стране. Одни критикуют Путина за авторитарные тенденции и призывают Запад занять более жёсткую позицию в отношениях с Москвой, другие не в восторге от того, что происходит на самом Западе. Родфилд утверждает, что

⁴³ Ibid. P. 519, 522.

Россия находится на ошибочном пути, и что Запад должен изменить свою стратегию комплиментов, «перестать восторгаться ущербной либерализацией... прямо заявить Кремлю о реальном положении дел и настоять на том, чтобы Москва отказалась от погони за расточительной сверхдержавностью и средневековой московскостью». По его мнению, Запад должен пересмотреть не оправдавшую себя идею «эkleктичного вовлечения», так как восстановление России в качестве «расточительной сверхдержавы» угрожает международной безопасности и может испортить жизнь самим русским. Достается от Ротфилда и Западу, который «ослеплён глобалистской риторикой и предпочитает повторять заклинания в духе Вашингтонского консенсуса...»⁴⁴.

К сожалению, такое негативное и в целом неоправданное отношение к стремлению России в последние годы проводить более независимую внутреннюю и внешнюю политику получило большое распространение в Великобритании, как и на Западе в целом. За этим стоит привычка, выработанная западным политическим классом в 90-е гг., видеть Россию ослабленной и готовой к компромиссам на любых условиях, а также рудименты мышления времён холодной войны, и, надо признать, ошибки, порой серьёзные, допущенные Москвой как на внутреннем, так и на внешнем поприще.

Томас Ремингтон ставит вопрос о том, приведут ли к отрицательным кумулятивным последствиям расхождения между Россией и Западом по вопросам внешней политики, или их отношения в целом стабильны и не испортятся в случае, если одна из сторон попытается изменить статус-кво. Его вывод также неутешителен: совпадение интересов России и США по ряду стратегических вопросов вряд ли достаточно, чтобы выдержать бремя напряжённости в их отношениях, возникшей якобы из-за желания Путина восстановить «квази-Советский Союз» и «неопатримониальный» контроль над российской экономикой и обществом. Путин, утверждает Ремингтон, готов пойти на интеграцию России

⁴⁴ Steven Rodefild, *op. cit.* P. 10. «Вашингтонским консенсусом» британский учёный называет неолиберальную модель глобализации, выгодную прежде всего самим Соединённым Штатам.

в мировую экономику, чего не скажешь об интеграции политической. Он приводит в пример политический кризис на Украине в 2004 г., который показал, что «разрыв между российскими и западными ценностями велик», и что «при Путине он лишь углубился»⁴⁵.

Термин «неопатримониальный», судя по всему, пришёл в британскую политологию из-за океана. Его широко использовал в своих работах американец Аллен Линч. Для него, неопатримониальная система по-русски это:

- регулярные выборы, альтернативность которых сильно ограничена административным ресурсом;
- система отчётности главы государства – институциональная и общественная – мало эффективна;
- доминирование в системе государственного управления президентской администрации, в которой ключевые государственные посты занимают выходцы из спецслужб и армии;
- на региональном уровне государственное управление осуществляется с помощью внеконституциональных процедур согласования интересов между президентской администрацией и руководителями субъектов Федерации, которые в своём большинстве подвержены ещё меньшей отчётности, чем глава государства;
- решения, касающиеся крупных проектов в частном бизнесе, например, слияния с иностранными компаниями, согласуются с президентом и правительством, особенно когда речь идёт об энергетическом секторе⁴⁶.

Другими словами, это политическая система, в которой демократические процедуры имеют в основном формальный характер, политические процессы формируются «сверху вниз», отсутствуют действенные предохранители в виде общественного контроля над властью, призванные противодействовать коррупции и «приватизации» власти в интере-

⁴⁵ Thomas F. Remington, *op. cit.* P. 266, 271-272.

⁴⁶ Allen Lynch. *How Russia is not Ruled. Reflections on Russian Political Development.* Cambridge University Press, 2005.

сах отдельных социальных групп.

В критериях неопатримониальности Линча, подхваченных рядом британских авторов, подмечены некоторые реальные черты сегодняшней российской действительности. Однако ошибочно считать, что эти критерии сложились в систему, т.е. устойчивый механизм взаимосвязей. Речь идёт скорее о проявлении тенденций, которые могут закрепиться, а могут исчезнуть. Политическая система России находится в стадии становления и формирования и обретёт ли она в конечном счёте неопатримониальный характер или какой-либо другой, судить ещё рано.

Однако вполне оправданно озаботиться вероятностью складывания в России неопатримониальной системы, ведь в российских условиях её утверждение не сулит ничего хорошего. Действительно, политическая система со слабым институциональным базисом и сильным демократическим дефицитом в условиях нестабильности на мировых сырьевых и иных ранках может оказаться крайне уязвимой.

Сравнение работ о России Линча, имеющего большой авторитет в США, и исследований британских авторов выявляет не только схожесть между ними, но и различия. В целом, рассуждения англичан меньше подвержены идеологизации и схематизму, более практичны и точны. Они смотрят на настоящее и будущее России не сквозь призму одержимости США своей супердержавностью, а с позиций пусть и особого, но европейского государства. Так, среди 12 факторов, которые Линч выделяет как ведущие в определении роли России в мире, на первом месте стоят «российские запасы ядерного, химического и биологического оружия, представляющие собой проблему номер один международной безопасности»⁴⁷. Англичане гораздо меньше обеспокоены ядерной составляющей российской великодержавности и, тем более, редко усматривают в ней некую глобальную дестабилизирующую силу. Там где англичане высказывают обеспокоенность, американцы

⁴⁷ Allen Lynch, *op. cit.* P. 243.

бьют тревогу, там где первые выражают неудовольствие, вторые жёстко критикуют, там где первые дают осторожные прогнозы, вторые делают далекоидущие и малоправдоподобные выводы.

Многие проблемы, как текущие, так и потенциальные, видятся по обе стороны Атлантики одинаково, хотя рассуждения американцев отличаются большей заносчивостью и высокомерием (за которыми часто стоит элементарное незнание). Американцы склонны драматизировать российские проблемы, придавать им гипертрофированный вид. Так, Линч считает, что даже при самом благоприятном развитии событий Россия ещё несколько десятилетий останется крупным государством, но не великой державой, а российская экономика будет анклавной и опасно зависящей от мировых цен на нефть. Но и он признаёт, что хотя российское государство ещё какое-то не избавиться от ряда дефектов, сотрудничать с Россией необходимо для создания эффективной системы международной безопасности⁴⁸. Многие утверждения Линча, конечно, спорны, однако его тезисы, разделяемые многими британскими экспертами, о неустойчивом характере российской экономики и о хрупкости российской стабильности не так далеки от реальности.

Британские исследователи не проходят и мимо модных в России или в США попыток разработать сценарии развития событий. Например, применительно к теме отношений России и Евросоюза в одной из последних работ, выпущенных в Англии на эту тему, предлагается два возможных варианта. Первый сценарий: продолжение стратегии Путина прагматичного национализма в отношении Запада, суть которой – в стремлении Москвы к усилению позиций России и независимости её внешней политики. Будет укрепляться представление России о себе, как не просто о европейской державе, а как о стране с региональными и глобальными интересами, что усилит конкуренцию с западными странами на пространствах СНГ и за его пределами. Второй сценарий: Россия поступится своим

⁴⁸ Ibid. P. 245.

суверенитетом в обмен на частичную интеграцию в ЕС и на углублённое партнёрство с НАТО. Если этого не случится, сотрудничество России с ключевыми институтами и государствами объединённой Европы вряд ли в среднесрочной перспективе получит продолжение за исключением осторожной адаптации в сфере пересечения интересов⁴⁹.

Авторы исследования считают, что развитие событий по первому сценарию более реалистично. Действительно, вступление России в НАТО или в ЕС давно не обсуждается на официальном уровне сторонами даже в теории. Для этого Альянсу надо было бы превратиться в паневропейскую организацию по коллективной безопасности, а Евросоюзу отказаться от взлелеянной им концепции «европейских ценностей». Ожидать того или другого не приходится. Больше шансов, казалось бы, у варианта ассоциированного членства России в этих организациях, но не вызывает сомнения, что новобранцы из Восточной Европы в обеих структурах выступят против этого.

Однако последствия осуществления первого сценария могут быть разными. С одной стороны, можно ожидать дальнейшего ухудшения отношений между Россией и Западом. По мере восстановления своих позиций в мире Россия будет выказывать растущее раздражение по поводу вторжения в зону её жизненных интересов НАТО и ЕС и развивать такие противовесы, как ШОС, ЕврАзЕС и другие. С другой, – от внимания Москвы вряд ли ускользнёт, что НАТО находится в процессе постоянных изменений и что внимание Альянса смещается из Европы в другие регионы мира, как бы его новые члены не старались использовать фактор НАТО в выстраивании отношений по линии Россия – Запад. Что касается Евросоюза, то и в отношении с ним не все окна возможностей закрылись для России. Москва с подозрительностью относится к распространению влияния ЕС на постсоветском пространстве, однако начальная стадия становления Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) ещё может предложить возможности для разви-

⁴⁹ Roy Allison, Margot Light, Stephen White. *Putin's Russia and the Enlarged Europe*. Chatham House Papers, Blackwell Publishing, 2006. P. 175.

тия сотрудничества в этой сфере. Кроме того, существует возможность, что озабоченность России намерениями ЕС и НАТО может привести к поиску новых форматов взаимодействия, например в виде «тройки» США – Россия – ЕС. Таким образом, существуют варианты дальнейшего вовлечения России в сотрудничество с Западом посредством увеличения каналов связей.

И всё же британские специалисты склоняются к менее оптимистической версии. Они считают, что скорое преодоление нынешних разногласий между Москвой и западными столицами маловероятно. Отношения между Россией и НАТО и между Россией и Брюсселем развиваются по разным траекториям и положительные сдвиги в одном из этих случаев вряд ли перекинутся на другие сферы. Россия же в отношениях с ЕС всё больше отдаёт предпочтение поиску общих интересов, но не ценностей, и в правящем классе страны упрочивается мнение, что Россия станет уважаемым партнёром ЕС и НАТО только в качестве самостоятельного центра силы. На основе этого анализа авторы исследования дают следующий прогноз: в среднесрочной перспективе сохранится «полуотстранённый» статус России – на периферии объединённой Европы, но в поисках путей углубления сотрудничества⁵⁰.

Видение британскими политологами будущего России не отличается единообразием. В целом оно не проникнуто оптимизмом и полно сомнений. В то же время прогнозы сильно отличаются. Одни считают вероятным, что Россия вновь станет «расточительной сверхдержавой», несущей на себе непомерное бремя военных расходов, вкуче с олигархической экономикой и низким жизненным уровнем населения. Разрыв между мировоззрением просвещённой части российского руководства во главе с Путиным и мировоззрением российской бюрократии, коррумпированным чиновничеством и криминальными элементами, согласно этой точке зрения, слишком большой, чтобы спасти нацию от сполза-

⁵⁰ Ibid. P. 179-180.

ния «назад в будущее»⁵¹.

По мнению других, дальнейшая судьба России во многом зависит от политической ситуации после 2008 г. Среди главных вызовов, стоящих перед Россией, называют чаще всего умиротворение Чечни и Северного Кавказа в целом и демографическую проблему⁵². Третьи продолжают считать центральной задачей по укреплению российского государства. Огромные размеры страны, низкая управляемость территории, культурное наследие государственного доминирования, выносит свой вердикт Томас Ремингтон, означают, что основным приоритетом российских лидеров на обозримое будущее будет усиление позиций государства как во внутреннем, так и во внешнем измерении. Возврат к диктатуре маловероятен. Однако для построения в России сильной экономики, а это ключ к будущему страны, Россия нуждается в государстве, которое было бы не только мощным, но и правовым⁵³.

Как видим, спектр мнений о будущем России среди британских русологов достаточно широк. Среди них есть те, кто симпатизирует нашей стране, и те, кто относится к ситуации в ней весьма скептически. Среди предлагаемых ими сценариев развития России есть более правдоподобные и менее, однако шансы на реализацию есть у каждого. Всё зависит от конкретных обстоятельств, множества субъективных и объективных факторов, влияющих на жизнь государства. Однако подавляющее большинство британских исследователей рассматривают Россию как крайне важное направление внешней политики Соединённого Королевства и считают, что урегулировать текущие разногласия между Лондоном и Москвой необходимо как можно скорее для дальнейшего развития двухсторонних отношений.

Образ России в глазах британцев противоречив и многолик. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем он сформируется окончательно (если вообще возможно говорить о

⁵¹ Steven Rodefild, *op. cit.* P. 3.

⁵² Edwin Bacon, Matthew Wyman, *op. cit.* P. 174.

⁵³ Thomas F. Remington, *op. cit.* P. 274.

неком едином образе какой-либо страны за рубежом). Сбудутся ли мрачные предсказаний иностранных экспертов или правыми окажутся те, кто верит в светлое будущее российского государства, а таких немало, зависит, прежде всего, от самих россиян. В их силе опровергнуть одни прогнозы, и подтвердить правильность других. Одним из залогов этого должен быть опыт британской истории, в которой бережное отношение к своему прошлому было необходимым условием успешного будущего.